

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Drahomaniv, M. P.
//

ПО ВОПРОСУ

о

МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

М. Драгоманова.

Zur Frage von der Kleinrussischen Literatur.

M. Dragomanow.

75 kr. ö. W. 1 фр. 50 c.

ВѢНА 1876.

Складъ у Carl Helf, 6 Kärtner-Ring 6.

Въ болгарской типографіи Іанко С. Ковачева, Вѣна.

ПО ВОПРОСУ

о

МАЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

Вмѣсто предисловія. — Новое гоненіе на малорусскую литературу въ Россіи, его причины и ближайшія слѣдствія. Политическая и литературная сторона вопроса.

Противуукрайнофильская литература 1875-1876 гг. — Злонамѣренные, невѣдущіе и недогадливые. — Малорусскій языкъ. — Одно русское общество, двѣ русскія народности, три русскія литературы въ Россіи. — Польское, нѣмецкое и мадьярское общество, малорусская народность, малорусская и бурсако-русская литература въ Австро-русскихъ земляхъ. — Вопросъ объ узкости круга и интересовъ, некультурности и новизнѣ малорусской литературы. — „Украйнофильство" во Франціи, Италіи и др. старокультурныхъ земляхъ. — Панславизмъ, панруссизмъ и панмалоруссизмъ. — Кадры малорусскаго возрожденія въ Галичинѣ. — Поверхностное и органическое единство, космополитическое и племенное.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящая брошюра весьма мало подходитъ по своему характеру къ другимъ русскимъ произведеніямъ, печатаемымъ за границей. При маломальски человѣческихъ порядкахъ печати, она весьма легко могла бы появиться и въ Россіи, какъ и всѣ тѣ статьи, поповоду которыхъ она написана. Она и предназначалась для одного петербургскаго изданія, которое обѣщало относиться къ русско-славянскимъ вопросамъ съ большимъ вниманіемъ и пониманіемъ, чѣмъ то, какое обыкновенно видимъ въ нашихъ столичныхъ изданіяхъ.

Между тѣмъ по цензурному вѣдомству въ Россіи разослано было слѣдующее циркулярное распоряженіе:

Государь Императоръ 18|30 минувшаго мая Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго на то разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ заграницею на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности — не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобъ разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати.

3). Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.

Начальникъ Главнаго Управленія
по дѣламъ печати Григорьевъ.

(профессоръ университета!!!)

Это распоряженіе, выходящее такъ кстати въ то время, когда столько говорится о славянской освобождающей миссіи Россіи, и поражающее слово потомковъ тѣхъ самыхъ героевъ, которые открыли для Россіи восточный вопросъ, не нуждается въ комментаріяхъ и оцѣнкѣ. Мы скажемъ только, что, этотъ плодъ коммиссіи, о коей было возвѣщено во время пребыванія Государя въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1875, такъ странно связаннаго съ измѣненіемъ въ личномъ положеніи автора этой брошюры, — есть ничто иное, какъ самое безцеремонное прикрываніе именемъ главы государства личныхъ счетовъ такихъ господъ, какъ гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой и даже Тайный Совѣтникъ Михайло Владимировичъ Юзефовичъ, — члены упомянутой коммиссіи, въ которой мы не знаемъ, какую роль играли другіе члены: министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ и Шефъ Жандармовъ Потаповъ. Государственная мѣра, эта столь законная, просвѣщенная и своевременная, есть звено, не знаемъ, послѣднее ли, въ кампаніи, вызванной короткой замѣткой „по поводу кіевскихъ застольныхъ рѣчей", произнесенныхъ въ 1873, въ честь гр. Толстого дружиною г. Юзефовича, заслужившаго тогда даже и отъ „Голоса" титулъ „балансера", замѣткой, которою кіевскій украйнофилъ смутилъ неловко подтасованное торжество новаго святаго Владиміра, просвѣтителя Руси. Кампанія эта началась еще въ 1874 г. пасквилями и продолжалась самою безцеремонною ложью въ газетахъ и журналахъ, сначала въ находящемся на содержаніи у гр. Толстого „Кіевлянинѣ", потомъ со времени III археологическаго съѣзда въ столичныхъ (Голосѣ, Русскомъ Вѣстникѣ) и наконецъ въ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ доносахъ. Уже одно это происхожденіе достаточно характеризуетъ плодъ этотъ, — новую „государственную" мѣру.

Но послѣ этого распоряженія было бы странно надѣяться, что въ Россіи въ близкомъ будущемъ можетъ

появиться какая нибудь статья, разъясняющая значеніе совершающагося въ ней жизненнаго процесса — роста малорусскаго народнаго сознанія. Произволъ цензоровъ и робость редакторовъ, навѣрное, задержитъ на извѣстное время даже учоную разработку вопросовъ малорусской этнографіи, — тѣмъ болѣе что новое запрещеніе отдаетъ цензорамъ на рѣшеніе даже правописаніе, которое въ этнографическихъ изданіяхъ, по природѣ вещей, иное не можетъ быть, какъ фонетическое, воспрещенное новымъ распоряженіемъ, на основаніи смысла котораго цензоръ долженъ будетъ остановити даже Сказки Аѳанасьева и Онежскія былины Гильфердинга. А между тѣмъ безсознательное или одностороннее отношеніе къ органическимъ процессамъ, каковъ и ростъ малорусскаго народнаго сомосознанія и малорусской литературы, не обходится безнаказаннымъ для общественной жизни. Мы вовсе не преувеличиваемъ важности высказываемыхъ нами мыслей, но думаемъ, что въ нормальныхъ человѣческихъ отношеніяхъ всегда имѣетъ значеніе слово, сказанное своевременно, послѣ взвѣшиванія разныхъ сторонъ предмета, и искренно. Къ тому же для будущихъ наблюдателей хода малорусскаго общественно — литературнаго движенія, мы думаемъ, не безинтересно будетъ знать, какой умѣренной формы этого движенія не въ состояніи была признать русская оффиціальная дѣйствительность и какъ мало это движеніе въ этой формѣ, непосредственно предшествовавшей вышеприведенной крайней мѣрѣ, — было оцѣнено тѣми, кому, казалось бы, должны быть дороги народные русскіе и славянскіе интересы, какіе были всегда присущи малороссійскому самосознанію съ 40-хъ годовъ.

Въ настоящей статьѣ мы говоримъ только о литературной сторонѣ малорусскаго вопроса, потому что большая часть и болѣе порядочная часть статей, которыя вызвали нашу статью, остаются на литературно-культурномъ полѣ, не переходя на политическое. Да и самое

вышеприведенное распоряженіе имѣетъ чисто-литературное значеніе. Оно направлено противъ всякой малорусской литературы, театра и даже музыки, — особенно же противъ популярной элементарной литературы, т. е. именно противъ той „литературы для домашняго обихода", которой необходимость признавали и московскіе и даже петербургскіе славянофилы (И. Аксаковъ, Вл. Ламанскій и др.) и оффиціальные педагоги, въ родѣ Весселя, Ушинскаго и др., и которою соглашались довольствоваться сами украйнофильскіе авторитеты (см. напр. статью Костомарова въ сборникѣ Гербеля „Поэзія Славянъ") и которою, конечно, удовольствовались бы и болѣе горячіе украйнофилы на долгое время. Новое запрещеніе поражаетъ именно не только домашнюю, но и неполитическую, легальную, подцензурную малорусскую литературу, будучи, конечно, совершенно безсильно противъ заграничной, и при томъ политической и особенно революціонной литературы.

Въ другихъ мѣстахъ мы говорили о тѣхъ политическихъ, соціальныхъ, равно какъ и о педагогическихъ вопросахъ, которые связаны съ такъ называемымъ украйнофильствомъ. (См. наш. статьи въ Вѣстникѣ Европы 1872, 1873, 1874, 1875 г. Восточная политика Германіи и обрусеніе, Русскіе въ Галиціи, Литературное движеніе въ Галиціи, Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи, Евреи и поляки въ Югозападномъ краѣ, а также въ Правдѣ 1873 - 1874 и 1876 г. Литература россійска, великоруска, украинска и галицка — и Антрактъ въ исторіи украйнофильства (1873 - 1872). Мы не считаемъ нужнымъ повторять теперь сказанное, какъ бы охотно ни извращались наши мысли печатною полемикою и рукописными доносами. Теперь поставленъ вопросъ о формѣ, а не о содержаніи малорусской литературы, о самой литературѣ, а не о политикѣ и вообще объ идеяхъ. Объ этой послѣдней сторонѣ дѣла мы замѣтимъ только слѣдующее: Малороссовъ на свѣтѣ отъ 16 до 18

милліоновъ, разной степени образованія и развитія и притомъ раздѣленныхъ въ двухъ имперіяхъ. Уже по этому малороссы, еще больше чѣмъ великороссы, могутъ быть разныхъ образовъ мыслей, и о какомъ бы то ни было политическомъ направленіи всей малорусской литературы, малороссофильства вообще, какъ таковаго, говорить странно. И дѣйствительно мы видимъ, что на малорусскомъ языкѣ и въ теченіе всего XIX в. высказывались и теперь высказываются всякаго рода политическія, соціальныя и религіозныя идеи отъ монархическихъ до республиканскихъ, отъ олигархическихъ до соціалистическихъ, отъ молитвенника до атеизма. Конечно, болѣе образованные, талантливые и чуткіе ко времени малорусскіе писатели и дѣятели отзывались и отзываются на передовыя идеи времени, интересы страны и народа, какъ это дѣлается съ писателями и всѣхъ другихъ племенъ. Прибавимъ также, что спеціальныя особенности положенія малорусскаго племени, не имѣющаго своего національнаго государства и своихъ привиллегированныхъ классовъ налагаетъ особую печать на національныя симпатіи образованныхъ малоруссовъ, которая отражается на ихъ писаніяхъ и дѣятельности. По матерьялу своему малорусская литература была съ изначала почти исключительно демократическою, и, чѣмъ дальше, становится такою же и по сознательнымъ симпатіямъ, и по составу публики, для коей пишется. Сознательный малорусскій дѣятель, конечно, будетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ возможно широкое благо массъ народа. Затѣмъ, какъ прирожденые провинціалы, малорусскіе дѣятели, конечно, будутъ симпатизировать всякому виду общественной автономіи и децентрализаціи. Но въ этой области демократизма и автономизма каждый выберетъ себѣ мѣсто отъ положенія о крестьянской эманципаціи 19 Февраля 1861 г. до соціально-демократическихъ идеаловъ, о.ъ областныхъ и земскихъ стремленій напр. „Русской Бесѣды" до прудо-

овскаго федерализма и анархизма. — сообразно личымъ убѣжденіямъ и степени изученія и развитія вообще. амѣтимъ при этомъ, что, особенно въ Галичинѣ, есть юди и партіи, вѣрящіе въ возможность образованія маорусскихъ привиллегированныхъ сословій, есть свои малоусскіе централисты, какъ были и есть „россійскіе" и австрійскіе легитимисты изъ людей съ несомнѣнными малорусими племенными симпатіями, изъ пишущихъ помалорусски.

Такимъ образомъ въ малорусской интеллигенціи есть редставители всѣхъ тѣхъ идей и идеаловъ, какіе сушествуютъ и у всѣхъ другихъ племенъ, тронутыхъ европейскою цивилизацiей, и, конечно, и въ Малороссіи брали и возьмутъ верхъ тѣ стремленія, которыя возьмутъ его во всемъ образованномъ мірѣ и въ частности славяно-русскомъ. Относительно же такъ называемаго малороссійскаго „козакофильства", стремленія возстановить Гетманщину, и государственнаго малороссійскаго сепаратизма, — однимъ словомъ, „Мазепинскаго украйнофильства", какъ выражаются нѣкоторыя высоко — поставленныя особы, — то объ немъ можетъ быть рѣчь только со стороны людей или поверхностно знакомыхъ съ дѣломъ, или явнозлонамѣренныхъ выдумщиковъ. Совершенно естественная и весьма интереснымъ образомъ проявившаяся лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ идеализація козачества и Гетманщины и стремленіе дать „державно — правный", историческій характеръ естественному малорусскому патріотизму, — памятникомъ чего служатъ Исторія Руссовъ Псевдоконисскаго и нѣкоторыя, хотя вовсе неосновныя, пьесы Шевченка, — теперь вещь окончательно пережитая всѣми образованными малороссами. Возвращеніе ея сдѣлано невозможнымъ научною критикою и анализомъ, направленнымъ на прошлое именно со стороны малорусскихъ дѣятелей, изъ которыхъ нѣкоторыхъ, какъ напр. г. Кулиша, автора „Исторіи Возсоединенія Руси" и печатаемыхъ теперь по малорусски во львовскомъ жур-

палѣ „Правда" очерковъ „Завирюха на степах" и „Ма левана Гайдамаччина" можно, по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, скорѣе упрекнуть въ пессимизмѣ по отношені къ старинѣ малорусской и въ крутомъ поворот къ централизму, къ восхваленію не только Екатерины I но и бояръ московскихъ, на перекоръ козакамъ мало русскимъ, чѣмъ въ идеализаціи Гетманщины. Нелѣ пость противуукрайнофильской травли и вредъ распоря женій, въ родѣ вышеприведеннаго, именно тѣмъ очеви нѣе, что въ понятіяхъ и симпатіяхъ малорусской ин теллигенціи въ Украйнѣ и Галичинѣ въпослѣдніе года со вершился весьма важный кризисъ, полная перестановк идей и отношеній, — и при томъ совершенно безъ всякої поддержки, даже безъ оцѣнки со стороны централистиче скихъ кружковъ нашихъ и даже центральной печати: Г. Костомаровъ рѣзко осуждаетъ Мазепу, „Правда" печа таетъ „москвофильскія" статьи г. Кулиша, москвофильскі „Другъ", другая литературная газета во Львовѣ, сна чала пробуетъ откреститься отъ „украінщины", потомъ і отъ „великорущины," хватается за „рутенщину", но кон чаетъ тѣмъ, что печатаетъ на своихъ столбцахъ чисто великорусскія повѣсти безъ перемѣны и объявляетъ ко нецъ „языковой мѣшанинѣ" и начало принятію обоихъ живыхъ русскихъ языковъ. Именно украйнофилы яв ляются горячими распространителями русскихъ, „обще русскихъ" и великорусскихъ книгъ въ Австріи, въ размѣ рахъ прежде небывалыхъ; на дняхъ происходитъ сли тіе двухъ галицкорусскихъ студеческихъ обществъ во Львовѣ украйнофильскаго „Дружескаго Лихвяря" и руте но — москвофильскаго „Академическаго Кружка съ общей библіотекой и т. п. Старыя клички, старыя разно гласія изъ за вопросовъ мелочныхъ, буквоѣдскихъ, изъ за прошлаго, воспоминаній, племенныхъ симпатій и ан типатій, и далекихъ мечтаній о формахъ единства русскаго и т. п. — теряютъ смыслъ, — и выдвигаются на пер-

вый планъ дѣйствительно общіе вопросы культуры, общественной дѣятельности, служенія народу, которые поведутъ за собою совсѣмъ другое раздѣленіе силъ и партій. А незнакомые съ дѣломъ люди, поверхностные доктринеры, поютъ старую пѣсню о формальномъ единствѣ и сепаратизмѣ, а грязные эгоисты торопятся свести личные счеты подъ предлогомъ спасенія священныхъ интересовъ народности и придумываютъ мѣру, которая ничего остановить не можетъ, а только безъ всякой нужды компрометируетъ именно не только русское правителсьтво, но и русское общество, дожившее до такой мѣры, производитъ вновь путаницу идей и вноситъ озлобленіе туда, гдѣ уже почти успѣли залѣчиться старыя раны, нанесенныя изъ за побужденій, уже отжившихъ для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.

Если еще не путаница понятій, то по крайней мѣрѣ желаніе произвести ее уже начинаетъ проявляться. Такъ „Gazeta Narodowa“ (N. 161), обсуждая новый циркуляръ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Świeży zamach Moskwy na Rusinów“, и говоря совершенно вѣрно, что онъ только усилитъ въ малоруссахъ энергію самозащиты, прибавила уже совершенно странныя нижеслѣдующія строки: „извѣстно всѣмъ, что преслѣдованіе, какому подверглись кіевскіе русины вслѣдствіе повстанья 1863 г., заставило многихъ изъ нихъ скрыться въ Галичину, и что хотя они здѣсь были и недолго, однако отъ нихъ упало первое зерно, которое взошло здѣсь сильно, какъ такъ называемая украинская партія. Ростокъ этотъ уже и тогда поразилъ Москву, а вышеприведенный указъ имѣетъ цѣлью положить предѣлы вліянію этой партіи на Кіевъ и Харьковъ“. Бѣда въ томъ, что ничто изъ того, что G. N. считаетъ всѣмъ извѣстнымъ, никому изъ знающихъ дѣло неизвѣстно, а извѣстно совсѣмъ другое. Никакіе украинцы не переселялись въ Галичину послѣ 1863 года, да и нечего было

тогда закладывать тамъ украинскую партію, которая бы
заложена уже въ 1861—1862 г. и тогда называлась
въ Gaz. Narodow — ой и въ Dzienn. Poznańsk-ом
въ книгѣ Влад. Мицкевича La Pologne et ses provi
ces meridionales «порожденіемъ московской интриги
какъ послѣ «Московскія Вѣдомости» стали звать ее п
рожденіемъ польской интриги. Никому до сихъ поръ н
извѣстно вліяніе галицкой украинской партіи на Кіевъ
Харьковъ, а извѣстно вліяніе обратное, что можно видѣ
хотя бы и въ томъ, какъ много въ «Правдѣ» трудовъ укр
инцевъ и въ томъ, что «Просвіта» перепечатала нѣсколь
кіевскихъ брошюрокъ. G. Narodowa или не знает
о чемъ говоритъ, или разумѣетъ подъ именемъ украи
цевъ, какихъ нибудь поляковъ, бѣжавшихъ въ Галичин
вслѣдствіе повстанья 1863 г. какихъ нибудь поляков
родившихся на Украинѣ, которые имѣютъ такое же пра
называться украинцами, какъ и М. Вл. Юзефовичъ, Г
гоцкій, Ригельманъ и т. п. которые говорятъ проти
украинофильства за единую нераздѣльную Россію в
качествѣ украинцевъ. Но какъ эти господа не основа
въ Кіевѣ и Харьковѣ украинской партіи, такъ по
станцы изъ польскихъ украинцевъ не основали ее въ Львов
уже потому, что она тамъ была и до нихъ и прямо заявил
въ « Вечерницахъ» 1862—1863 г. (статья «мы и они«
что не думаетъ бороться ни за единую Польшу, ни з
Любельскій союзъ Польши, Литвы и Руси, который так
плохо представляется порядками, господствующими в
Галичинѣ. Не можетъ быть, чтобъ G. N. все это забыл
Остается предположить, что шляхетская газета, теперь
послѣ всѣхъ прямыхъ доносовъ на укройнофиловъ п
адресу на Вѣну, считаетъ теперь нужнимъ поплакать дл
виду надъ утѣсненіемъ Руси Москвою (которая въ да
номъ случаѣ собственно ни причемъ), — но при этомъ
не забываетъ подать косвенный доносецъ и въ Петербургъ
и поддержать московско-катковское мнѣніе о томъ, что

ıинская партія создана повстанцами 1863 г., зерно, ›янное которыми изъ Львова дѣйствуетъ на Кіевъ арьковъ, — мнѣніе, отъ котораго „Руси“ еще болѣе анется, — а это интересамъ, представляемымъ Gaz. :odow-ой можетъ быть только на руку: такъ воронъ ›ну всегда поможетъ! Совершенно въ такомъ же духѣ ıсана и вторая изъ корреспонденцій по поводу рас- яженія 18. мая, напечатанная въ 4213. Нр. Neue ie Presse, обнаруживающая въ авторѣ или лакей- гющаго русина или расчетливаго поляка изъ не- ıтелей малорусскаго возрожденія. Здѣсь, при всемъ :раданія къ гонимому малорусскому элементу, — чемъ говорится даже о копяхъ на сибирскихъ рудахъ, — малорусское движеніе называется „недавно денныиъ подъ австрійскимъ покровительствомъ ча- ъ“, совершенно въ духѣ того польскаго мнѣнія, кото- говоритъ, что будто „русиновъ выдумалъ въ Га- инѣ гр. Стадіонъ, намѣстникъ въ 1848 год.“, — :овѣтуется признать въ Австріи оффиціальною орѳо- фію г. Кулиша, (отъ которой впрочемъ украинцы чительно уклонились) не потому что она фонети- кая, а въ видѣ контромины противъ указа 18. Мая!

Едва ли не большую еще деморализацію показали и а ли не больше еще, чѣмъ шляхетская „Gazeta .rodowa“, попали пальцемъ въ небо органы чинов- ıеско-поповской партіи среди галицкихъ русиновъ лово“ и „Русская Рада.“ Они объявили своей пу- ıкѣ, что указъ 18. Мая вызванъ тѣмъ, что украй- филы печатали свои книги правописью фонетическою, ıе церковно-малорусскою, оффиціально-австрійскою, — что по этому „заборона фонетики россійскимъ пра- гельствомъ“ есть новое доказательство прочности оза трехъ императоровъ!!

Впрочемъ эта путаница можетъ замутить голову ıкому, кромѣ „украинцевъ“, которые знаютъ, что имъ

никто не поможетъ, а что, напротивъ, есть много такихъ, кому выгодно подставить имъ ногу. Украинцамъ — остается только идти своей дорогой и работать, работать и работать для своего народа, надѣясь только на свои силы, не обращая слишкомъ большого вниманія на постороннихъ вороновъ, ни на тѣхъ, которые каркаютъ нелѣпыми циркулярами, ни на тѣхъ, которые думаютъ сбить ихъ съ ихъ естественной и строго обдуманной дороги притворными соловьиными пѣснями.

Вѣна, 16 Іюля 1876.

М. Драгомановъ.

Всякому, слѣдящему за русской журналистикой, из-
ѣстно, что въ ней время отъ времени поднимаются раз-
жденія объ одномъ вопросѣ, а именно о малорусской
итературѣ, разсужденія болѣе или менѣе горячія. Въ
ослѣдній годъ этихъ разсужденій, можно сказать, нако-
илось на цѣлую литературу. Такъ, не считая газет-
ыхъ статей и мимоходныхъ замѣтокъ въ разныхъ стать-
хъ и книгахъ, напр. въ изданіяхъ славянскихъ комите-
овъ; довольно назвать статьи «Современное украй-
офильство» г. Ч. и двѣ статьи г. Гогоцкаго. «Еще объ
крайнофилахъ», «Прибавленія къ статьѣ еще объ украй-
офилахъ» — въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — три статьи
ь теченіе одного года, — статьи г. Мордовцева въ «Дѣ-
ѣ» «Провинціальная литература», статья г. Милюкова
Вопросъ о малорусcской литературѣ» въ книгѣ «От-
олоски на литературныя и общественныя явленія.» Въ
астоящемъ году изданыя нами повѣсти Федьковича вы-
вали нѣсколько газетныхъ замѣтокъ, изъ которыхъ
амая большая и менѣе уклончива замѣтка въ 9. N.
Гражданина.» Всѣ названныя статьи относятся къ
алорусской литературѣ отрицательно, а иныя при э-
омъ весьма страстно и даже ставятъ вопросъ въ кри-
инально — политическомъ смыслѣ, какъ ставили его
ъ блаженной памяти 1863—64 гг. Такое развитіе по-
емики по этому вопросу и страстный характеръ мно-
ихъ нападеній на сторонниковъ малорусской литературы,

указываеть на то, что вопросъ этотъ имѣетъ немал
практическое значеніе, а потому долженъ бы вызыват
обоюдный обмѣнъ мыслей, всестороннее обсуждені
Между тѣмъ мы не видимъ, чтобъ количеству и горячн
сти нападательныхъ статей по отношенію къ малорусск
литературѣ соотвѣтствовало такое же развитіе есл
не защитительныхъ, то хоть объясняющаго характера ст
тей. Самое капитальное, что сказано въ такомъ род
въ послѣднее время, это нѣсколько словъ въ статьѣ
Пыпина „о сравнительномъ изученіи русской литера
туры" и двѣ-три страницы въ казанскомъ сборникѣ, „Пер
вый шагъ," — во столько же продуманной, сколько
прочувствованной статьѣ о провинціальной литератур
Нельзя не упомянуть также о благородной горячност
съ которой отозвался противъ инсинуацій, поднявшихс
противъ „украйнофильскихъ увлеченій", будто бы обна
ружившихся во время III. археологическаго съѣзда
проф. Ор. Ѳ. Миллеръ и которая особенно выгодно от
тѣняется совершенно неджентльменскимъ молчаніем
графа Ал. Серг. Уварова, которому малорусская мол
дежь и члены съѣзда такъ сильно и искренно помогли и
полнить съ успѣхомъ роль „министра по археологіи
въ Кіевѣ. Еще одинъ великоруссъ А. С. Суворинъ, не
давно въ своей газетѣ, въ „Новомъ Времени" оказалс
неспособнымъ справиться съ малорусскимъ вопросом
во всей его широтѣ и обнаружилъ достаточную безтакт
ность, допустивъ въ своей газетѣ подглядыванія, точн
ли французъ, а не малоруссъ писалъ статью о Шев
ченкѣ въ Revue des deux Mondes (при большем
знаніи дѣла сейчасъ бы можно было замѣтить, чт
статью писалъ иностранецъ, да еще именно избѣгавші
политической и исторической стороны предмета.) Мал
того, послѣ всего писаннаго, самъ г. Суворинъ имѣлъ
безтактность доказывать „безвредность мечтаній о возста
новленіи Гетманщины" или увѣрять, что „совершенно по

рядочные малороссы сейчасъ запишутъ васъ въ сторонники г. Каткова, если вы не будете имѣть сентиментальнаго притворства, чтобъ поставить Шевченка выше Лермонтова и Пушкина," или говорить о какихъ то украйнофилахъ, которые „правда, серьозно занимались изученіемъ своего народа, его пѣсенъ, экономической жизни, но не безъ нѣкотораго тщеславія кутались въ плащъ мучениковъ", — когда серьозно помятые разными и полицейскими, и цензурными и редакторскими лапами украйнофилы, — какихъ съ 1847 г. было не мало, — меньше кутались въ какіе бы то ни было плащи, чѣмъ самъ почтенный А. С. Суворинъ, говоря о томъ, какъ онъ не сошелся съ уважаемыми имъ гг. Саліасомъ и Баймаковымъ, и разошелся съ г. Полетикою и т. п. Когда подумаешь, что все это, даже разсужденія о понятности малоруссамъ простого (?) русскаго языка писалось „отъ руки, безъ справокъ и съ легкимъ сердцемъ", въ то время, когда уже подписанъ былъ циркуляръ, о которомъ никакому А. С. Суворину и пикнуть не позволятъ, когда этотъ циркуляръ ѣхалъ „въ центръ украйнофильства", можетъ быть, въ одномъ поѣздѣ съ петербурскимъ публицистомъ и почемъ знать? — можетъ быть, въ сопровожденіи указовъ, долженствующихъ препроводить кого нибудь изъ „серьозно занимающихся изученіемъ народа" въ страны Макаровы, или по крайней мѣрѣ лишить его привычнаго заработка хлѣба, то только грустно улыбнешься и покачаешь головою.[1]) Но по

---

[1]) Мы не ошиблись. Сейчасъ мы узнали, что двое изъ „серьозно изучавшихъ край" малорусскій получили приказъ выѣхать изъ Кіева, съ воспрещеніемъ имъ жить въ южныхъ губерніяхъ и столицахъ. Другихъ проступковъ за этими людьми, — знакомыми г. Суворину и работавшими подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, — нѣтъ, кромѣ того, что они „серьозно изучали" малорусскій край. — Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ мелочахъ, потому что они могутъ показать, какъ еще мало воспитано чувство достоинства въ русской печати, — которая не по одному этому вопросу попадаетъ впросакъ вслѣдствіе слабости этого воспитанія. — Какъ она умѣетъ во

истинѣ забавенъ успокоительный вопросъ петербургск го публициста: «куда въ самомъ дѣлѣ отдѣляться Ма лороссіи? — къ Польшѣ, къ Турціи или къ Австріи? Тутъ уже одна логика употребленія частицъ куда къ прелестна; а во вторыхъ: отчего это работать д огражденія своего человѣческаго достоинства, личнаго народнаго, значитъ, отдѣляться да еще къ кому то? М бы спросили и петербургскихъ газетныхъ публицистов не думаютъ ли они отдѣляться напр. къ Швеціи? — если у нихъ были признаки какого нибудь энергическаго отвр щенія отъ того болота униженія, въ какомъ они нах дятся, и сколько нибудь широкаго пониманія путей к выходу изъ него.

Но все таки г. Суворинъ имѣлъ столько порядо ности, что въ свое время въ Спетерб. Вѣдомостях мѣтко осмѣялъ усердіе литературныхъ будочниковъ, шта ныхъ и сверхштатныхъ, въ травлѣ «малорусскаго с паратизма!« Все это показываеть, что, къ счастію в образованномъ великорусскомъ обществѣ совсѣмъ не сил на племенная исключительность и мало охоты къ тр влѣ на «хохлацкія стремленія». — Если большая час органовъ нашей печати играла въ молчанку во вре новоподнявшейся травли, то это происходитъ не столь потому, чтобы она сочувствовала ей, сколько по забит сти нашей печати, боязни толковать о томъ, за что м жетъ достаться, по отсутствію въ нашемъ обществѣ чут солидарности, а главное, по столичному непониманію пр

время молчать и въ время сказать все! Какъ отчотливо сознае вѣсъ своихъ словъ, — какъ умѣетъ логично мѣрять однимъ арш номъ внутренніе и внѣшніе порядки! Вотъ напр. теперь. каки либерализмомъ проникнуты рѣчи ея о Турціи, и какъ кротки о носительно домашнихъ пашей и муфтіевъ, какъ рѣшительны ув ренія: Россія поможетъ, не оставитъ, не потерпитъ, когда на „Presse“ совершенно нагло говоритъ, — что въ Россіи, конечн толкуютъ о помощи славянамъ, но „нигдѣ въ свѣтѣ обществен мнѣніе не имѣетъ такъ мало вѣса, какъ въ Россіи!“ — Само вин вато! скажемъ мы!

винціальныхъ вопросовъ, прикрываемому департаменскимъ высокомѣріемъ къ тому, «чего не знаетъ нашъ Митрофанушка.» [1]) Сколько бы безтактностей ни было возможно насчитать съ обѣихъ сторонъ, а все таки связь между порядочными «хохлами» и «кацапами» держится не нелѣпыми циркулярами и даже не преданіями о Петрахъ и Екатеринахъ, — а именами и трудами Пушкина, Лермонтова, Герцена, Бѣлинскаго, Добролюбова и т. п. съ одной стороны и Гоголя, Костомарова съ другой, безъ которыхъ трудно себѣ представить человѣческое воспитаніе теперешнихъ и кацаповъ и хохловъ, хотя, конечно, послѣднимъ нечего отказываться ни отъ Шевченка въ прошломъ, ни отъ работы для себя самихъ въ будущемъ, потому что это значило бы отказаться отъ своего народа.

Вышеупомянутая травля въ послѣднее время велась преимущественно со стороны лицъ, называющихъ себя малороссами по рожденію, но или лично раздраженныхъ, или не понимающихъ дѣла, какъ напр. Гогоцкій, или обиженныхъ дальнѣйшимъ движеніемъ украйнофильства, какъ напр. авторъ статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Современное украйнофильство», который стоитъ за Котляревскаго, Квитку и даже по чему то за Шевченка, но не доволенъ Костомаровымъ и порожденными имъ «современными украйнофилами», что не уважаютъ

---

1) Иногда близорукое непониманіе заводило столичныхъ писателей въ странное сосѣдство, въ какое напр. попалъ „Заурядный читатель“ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, обидѣвшись à la Погодинъ „Кудеяромъ“ Костомарова, вообразивъ, что Костомаровъ описалъ Ивана Грознаго въ обиду великоруссамъ. Какимъ образомъ, спрашиваетъ рецензентъ, умъ и талантъ, написавшій „Сѣвернорусскія народоправства“ и „Бунтъ Стеньки Разина“ могъ увлечься такою узкою доктриною, какъ украйнофильство“, — и не догадывается, что не будь Костомаровъ украйнофилъ, то онъ не написалъ бы ни „Сѣвернорусскаго Народоправства“, ни „Бунта Стеньки Разина“ и т. п. — которыхъ вѣдь никто же до него и не написалъ. Заурядный читатель впрочемъ спохватился и въ разборѣ одной повѣсти Нечуя показалъ, что способенъ понять, на что нужно украйнофильство. —

«старшину казацкого» и преклоняются передъ «хлопами», способными только на разрушеніе. Любопытно, что почти въ такомъ смыслѣ сталъ высказываться въ последнее время и г. Кулишъ, и что другой изъ писателей «Основы» г. Мордовцевъ объявилъ свои малорусскія симпатіи патологическимъ рефлексомъ, уступающимъ мѣсто холодному размышленію, — какъ будто вся дѣятельность размышленія и должна направляться на то, чтобы убивать природные, какъ говоритъ г. Мордовцевъ, рефлексы, а не на то, чтобы дать имъ найлучшее выраженіе и удовлетвореніе. (Объ этомъ именно хорошо сказано въ статьѣ «Перваго Шага»).

Въ то время, какъ разросталась такимъ образомъ противоукрайнофильская литература люди съ народными малорусскими симпатіями по большей части молчали. Правда они тѣмъ временемъ довольно сильно работали и надъ изданіемъ произведеній малорусскаго народнаго слова, надъ изученіемъ народной жизни и надъ изданіемъ популярныхъ брошюръ, которыя выходили въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, иногда по два, по три изданія въ два-три года, — что достаточно говоритъ объ ихъ потребности. Такое поведеніе Васьки, который слушаетъ да ѣстъ во многихъ случаяхъ, особенно въ данномъ, есть собственно единственное достойное поведеніе. Есть много возмутительно извращеннаго въ самой постановкѣ вопроса: за чѣмъ существуетъ украинофильство, должна ли существовать малорусская литература? Это напоминаетъ щедринскаго градоначальника Угрюма Бурчеева, «прохвоста,» который хотѣлъ прикрыть небо солдатской шинелью и, увидѣвъ рѣку, обидѣлся: «За чѣмъ?» — За чѣмъ она течетъ? — Нужно преодолѣть въ себѣ чувство стыда за униженное положеіе, въ которомъ ты находишься, дозволяя предлагать себѣ такіе вопросы, чтобъ отвѣчать на нихъ, чтобъ писать не только защитительныя, но даже объяснительныя статьи по малорусскому литературному

вопросу. И только убѣжденіе, что тьма въ теоретическомъ пониманіи общественныхъ явленій, какъ бы они органически не были, всегда приноситъ обоюдосторонній вредъ, — заставляетъ преодолѣть это чувство отвращенія и браться за перо, чтобъ если не защищать, то объяснять свои симпатіи, убѣжденія, выводы изъ наблюденій, — и писать статьи въ родѣ настоящей, — особенно когда иногда приходится долбить одно и тоже по нѣсколько разъ, будто нарочито безпамятнымъ людямъ. —

Всѣ вышеназванныя противоукрайнофильскія статьи образуютъ, какъ видитъ читатель, цѣлую литературу, что даетъ и намъ случай высказаться о вопросѣ съ извѣстной систематичностію, — которая, впрочемъ, не всегда можетъ совпасть съ порядкомъ перечисленныхъ статей.

Мы должны, впрочемъ, начать съ заявленія, что съ нѣкоторыми авторами мы считаемъ совершенно невозможнымъ разсуждать о нашемъ вопросѣ. Къ сожалѣнію, мы должны устраниться отъ разговоровъ именно съ тѣми, кто носитъ титулы спеціалистовъ по занимающему насъ вопросу. Таковъ во первыхъ авторъ статьи „Русская печать за предѣлами Россіи“, помѣщонной въ I т. „Славянскаго сборника“, изданнаго петербургскимъ отдѣломъ славянскаго благотворительнаго комитета и перепечатанной въ „Славянскомъ календарѣ“, изданномъ секретаремъ кіевскаго его отдѣла. Статья эта упоминаетъ о галицкихъ газетахъ съ „украйнофильскимъ направленіемъ“, — оговариваясь о нихъ, что „галичане къ этимъ изданіямъ отнеслись подозрительно, полагая что они поддерживаются польскою аристократіею“. (А авторъ какъ полагаетъ?). — Объ одной теперешней галицко-украинской газетѣ „Правда“ авторъ отзывается такъ: »она издается на малорусскомъ языкѣ и какъ бы въ нѣкоторомъ союзѣ съ польской журналисткой парализируетъ народныя стремленія святоюрцевъ,“ — рекламу изданіямъ которыхъ и составляетъ вся статья,

гостепріимно принятая наивными и незнакомыми съ дѣломъ редакторами нашихъ славянофильскихъ сборниковъ. Насколько самъ авторъ знакомъ съ дѣломъ, видно изъ того, что онъ записываетъ въ число украйнофильскихъ изданій въ Галичинѣ газету „Русь", которая короткое время издавалась поляками, чиновниками при Голуховскомъ и прекратилась послѣ печатнаго протеста „галицкихъ народовцевъ — или украйнофиловъ" въ 1867 г. — Мало того, авторъ называетъ въ числѣ такихъ газетъ Сѣчь, между тѣмъ, какъ это не газета, а товарищество молодежи въ Вѣнѣ, прибавимъ, наиболѣе снабженное русскими книгами и журналами изъ всѣхъ славянскихъ обществъ въ Австріи. Согласитесь, что съ господами, которые такъ въ полрта говорятъ неправду, которую еще недавно кричали цѣлымъ ртомъ, и которые такъ знакомы съ дѣломъ, мы говорить не обязаны.

Не можемъ мы говорить и съ проф. Гогоцкимъ. Статьи его собственно ничто иное, какъ Gegenstück противъ „Кіевскаго Телеграфа", купивши который и поуправлявши полгода въ направленіи „посредника между потребителями и производителями", издательница его, г-жа Гогоцкая пригласила сотрудничать въ немъ украйнофиловъ. Когда противъ „Кіевскаго Телеграфа" поднялась уголовная полемика со стороны кіевскихъ ташкентцевъ, пр. Гогоцкій написалъ свои двѣ безпорядочныя статьи, носящія на себѣ явные слѣды разстроеннаго состоянія духа престарѣлаго професора, служащаго въ университетѣ послѣ забаллотировки совѣтомъ, по назначенію отъ Министра [1]). Со страху проф. педагогики, г. Гогоцкій

---

[1]) Статьи г. Гогоцкаго между прочимъ были причиною выхода изъ К. Т. сотрудниковъ, которые во всякомъ случаѣ сдѣлали изъ него газету. Но дѣло мало перемѣнилось по существу: новыя редакціи увидѣли, что въ Кіевѣ не возможна общественная газета съ другимъ оттѣнкомъ, и скоро стали давать тѣ же щи, только другой густоты. А правительство все таки закрыло газету г-жи Гогоцкой, — и все кончилось только тѣмъ, что престарѣлый профессоръ безъ всякой пользы уподобился старостѣ въ тургеневскомъ Бѣжиномъ

вершенно пропустилъ именно все то, что писалось о едагогической сторонѣ малорусскаго вопроса. Ему покаалось, что „композиторъ" статьи „Литература Россійска, еликорусска, украинска и галицка" въ „Правдѣ", требуетъ згнанія русскаго литературнаго языка изъ всѣхъ высшихъ низшихъ школъ въ Малороссіи и замѣны его малоусскимъ, — между тѣмъ, какъ въ статьѣ этой говоится только объ элементарныхъ школахъ и о постепеномъ переходѣ отъ мѣстнаго народнаго языка къ госуарственному, — что подробно развито въ статьѣ „Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи", въ коей ченый противникъ нашъ можетъ познакомиться съ европейкою и русскою литературою этого предмета его спеціальюсти. Какъ видитъ читатель, г. Гогоцкій или не знаетъ, или неспособенъ понять то, о чемъ говоритъ, а потому и съ нимъ спорить нѣтъ никакой возможности. Единственное, что заслуживаетъ обсужденія во мнѣніяхъ пр. Гогоцкаго, это его заявленія, въ качествѣ мѣстнаго человѣка, уроженца г. наз. югозападнаго края о томъ, что сила полонизма въ этомъ краѣ, которую въ полномъ торжествѣ видѣлъ авторъ въ своей молодости, ослаблена и можетъ быть сокрушена только силою центральнаго государства и православной церкви, и что всякое мѣстное, автономное, — культурное, общественное и народное движеніе можетъ быть только вредно Россіи и усилить польскій элементъ въ югозападномъ краѣ, — причемъ авторъ совершенно забываетъ о существованіи лѣвобережной Малороссіи, и Новороссіи. Оставляя въ сторонѣ этотъ странный югозападный сепаратизмъ автора, мы считаемъ его

Лугв. — что, принявши во время переполоха отъ затмѣнія, мужика съ жбаномъ на головѣ за Тришку, (антихриста) спрятался въ горохъ и сталъ кричать перепеломъ: „авось, либо врагъ рода человѣческаго хоть птицу помилуетъ!" Но, увы! не помогъ ни горохъ „Русскаго Вѣстника" ни кричаніе перепеломъ: Тришка съ пустымъ жбаномъ на головѣ, М. Вл. Юзефовичъ, не помиловалъ и птицы, — и 4500 р. заплаченные за К. Т. пропали!

мысли достойными вниманія потому, что они принадлежа[т] довольно значительному числу людей, наприм. въ Рос[сіи] многимъ бѣлорусскимъ дѣятелямъ, кружкамъ въ ро[дѣ] представляемыхъ графинней Блудовой (См. ея брошю[ры] „Острожская лѣтопись." „Для немногихъ."), въ Галичи[нѣ] старой партіи русиновъ, въ Угорской Руси клери[ка]льнымъ и бюрократическимъ русскимъ патріотамъ, [в]родѣ риттера von Добрянскаго и т. п. Господа эти из западнорусскихъ уроженцевъ дѣйствительно столько вр[е]мени прожили подъ давленіемъ польской аристократіи, [а] въ угорской Руси венгерской, и католическаго духовенств[а], стать выше которыхъ не были въ состояні[и], именно потому, что сами не имѣли другог[о] идеала, — что вообразили совершенно естественно: во первыхъ, что сильнѣе кошки — звѣря нѣтъ, а во вторыхъ, что вся жизнь милліоновъ кореннаго населенія только и должна состоять въ томъ, чтобъ во что бы то ни стало грызться съ котомъ, и въ третьихъ, и главное, что эту грызню только и можетъ совершить за нихъ полицейскій, — изъ Петербурга ли, или изъ Вѣны. Между тѣмъ, если говорить только о нашемъ югозападномъ краѣ, система репрессалій въ родѣ системы генерала Бибикова, память котораго благословляютъ гг. Гогоцкіе, уже окончила свою роль; она давила, по сознанію всѣхъ, и русское общество. Система религіознаго централизма уже обращается теперь во югозападномъ краѣ противъ русскаго и народнаго элемента, штундистовъ, называющихъ себя „Русское братство." Кончила свою роль государственная власть и въ дѣлахъ аграрныхъ, гдѣ дальнѣйшія мѣропріятія въ пользу растущаго и въ югозападномъ краѣ сельскаго пролетаріата, не смотря на „благодѣянія" „Гракховъ Безацкаго періода", могутъ быть предприняты уже вовсе не на основаніи принциповъ Положенія 19 февраля, а во имя совершенно соціалистическаго принципа, котораго испугались въ свое время и „Гракхи и Столо-

л» Царства Польскаго и Западнего края, какъ звали Revue des deux Mondes“ и „Вѣсть» демократовъ службѣ у Н. А. Милютина, Муравьева и Безака.

Теперь уже бывшіе Гракхи совершенно перемѣнились и говорятъ объ »успокоеніи края« и о „примиреніи» почвѣ „экономическихъ интересовъ» процентовъ, фабрикъ, биржи, — и „Кіевлянинъ» получаетъ субсидію ъ правительства и вѣнки отъ „Dziennika Polskiego» то, что относится къ польской аристократіи не такъ элюбезно, какъ украинскіе хлопоманы „Кіевскаго Телеафа». А если возвратить ся спеціально во область нашего іора съ г. Гогоцкимъ и ему подобными, т. е. въ область льтурно-литературную, то окажется, что здѣсь госдарство совершенно безсильно, — тутъ борьба съ неуземными народностями, можетъ совершаться успѣшно олько силами мѣстными, общественными и народными, имя народности предлежащей, какова въ югозападомъ краѣ, Галичинѣ и Угорской Руси малорусская, а е далекой, великорусской. Ошибка западно-русскихъ паріотовъ, въ родѣ г. Гогоцкаго, состоитъ именно въ томъ, го они не могутъ понять дѣятельности свободной, общевенной и народной. У нихъ была атрофирована къ гому способность природная, — которая за то осталась ь уроженцахъ лѣвобережной Украйны, вскормившей новое крайнофильство, — что именно всего лучше и доказыаеть невѣрпость мысли о томъ, что „украйнофильство есть орожденіе польской интриги», нелѣпость, которой однаожъ многіе вѣрятъ, и которую еще большая часть говоитъ. Эта способность къ самодѣятельности и вѣра въ себя, ъ мѣстныя, общественныя и народныя силы успѣла уже ырости и въ младшихъ поколѣніяхъ правобережныхъ уберній и въ Галичинѣ и породила и здѣсь украйноильство. Безъ сомнѣнія, она выростетъ и въ Угорской уси, которая не можетъ же остаться при теперешнемъ нигилизмѣ» съ мечтаніями и воспоминаніями то о кня-

зьяхъ Коріатовичахъ, то о фельдмаршалѣ Паскевичѣ, — то о Бахѣ, въ свое время совершенно и естественным кромѣ, впрочемъ, вздоховъ о Бахѣ, но теперь совершенн патологическими, какъ и сѣтованія кіевскаго профессора.[1]

Гораздо больше, чѣмъ на статьяхъ, повидимому, спе ціалистовъ мы должны остановиться на статьѣ „Граж данина", видимо написанной безхитростнымъ неспеціа листомъ, но совершенно искренно и при томъ съ со вершенною порядочностію пріемовъ: безъ всякихъ инси нуацій, запугиванія, столь обычныхъ въ подобномъ слу чаѣ въ русской журалистикѣ. Статья „Гражданина" об наруживаетъ большое невѣдѣніе по самымъ существен нытъ сторонамъ предмета, хотя касается почти всѣх вопросовъ съ нимъ связанныхъ: вопроса о языкѣ ма

---

1) Объ Угорской Руси отчасти будетъ рѣчь дальше. Въ друго разъ мы поговоримъ о ней подробнѣе, такъ какъ это рѣшительн terra incognita, на которую свѣта вовсе не проливаютъ совершен дьячковскія статьи, печатаемыя о ней членами нашихъ славянских комитетовъ. Идеалы тамошнихъ русскихъ патріотовъ и положені тамъ русскаго дѣла можетъ быть выражено коротко въ слѣдующих мечтаніяхъ: 1) колы бъ насъ забрала Россія; 2) колы бъ въ А стріи вернувся абсолютизмъ; 3) колы бъ намъ епископівъ патріотів — А то?! спрашиваете вы. — А то пропадемо! омадьяримось; - Вы, конечно, говорите, что Россія далеко, завоеваніе — еще дальше абсолютизмъ въ Австріи дѣло отпѣтое; епископа патріота мадья ское правительство не назначитъ. Со всѣмъ этимъ соглашаются вздохомъ. Слѣдовательно, что же остается, — спрашиваете вы? - Опереться на свой народъ, позаботиться о его образованіи, созда популярную литературу, организовать народъ. — „Э! цього не можна За це можна посаду (должность) стратити"! — говорятъ вамъ, - и „въ Россіи не получити" остается прибавить. И сидятъ угорск русскіе патріоты и „москвофилы" на своихъ посадахъ, ничего делаютъ и доходятъ до того, что сочиняютъ адресы и оды „вс ласкавымъ архіереямъ, отцамъ и покровителямъ", — тѣмъ самым о которыхъ, всѣ прекрасно знаютъ, что они мадьяроны и измѣнни Руси, — не будь они которыми, не бывать бы имъ и архіерем — Постыднѣе зрѣлища уже и нѣтъ во всей славянщинѣ и у у словаковъ въ двухъ шагахъ отъ Угорской Руси вы не видите н чего подобнаго, и, конечно, не потому, чтобъ русское племя бы подлѣе другихъ, а отъ господства ложныхъ понятій о національност поддерживаемыхъ въ Угорской Руси ученіемъ о православномъ государственномъ русскомъ централизмѣ, убивающихъ мѣстное н родное чувство и подрывающихъ мѣстную дѣятельность.

.усскомъ, старинной южнорусской литературы, новой ицкой и т. д. Надо, впрочемъ, сказать, что и это неденіе совершенно порядочно, — если только это возжно, т. е. «Гражданинъ» высказываетъ совершенно исенно неправильныя мнѣнія, которыя часто позволяютъ бѣ теперь говорить люди гораздо болѣе ученые, напр. ѣкогда авторъ изслѣдованія объ элементахъ и формахъ авянорусскаго языка," г. Катковъ, который о языкѣ лорусскомъ имѣетъ, конечно, не то представленіе, какое ъ высказывалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Разръ мнѣній «Гражданина» интересенъ, потому что они едставляютъ резюме неправильныхъ и невѣжественныхъ ѣній, ходящихъ въ публичномъ оборотѣ, и который и еные люди одни умышленно поддерживаютъ, другіе не итаютъ нужнымъ опровергать, — тѣ и другіе пре расно зная ихъ невѣрность.

Рецензентъ въ «Гражданинѣ высказываетъ о малосскомъ языкѣ мнѣніе, — будто это «смѣсь построеній(?) сской и польской рѣчи», »испорченныя формы польскихъ русскихъ корней и органическихъ основъ.» Мнѣніе о не совсѣмъ позволително было говорить во времена Булгарина и Греча (о коихъ см. у Максимовича исьма къ Погодину о древности и самобытности малорусскаго нарѣчія). Теперь же послѣ трудовъ Максиовича, Лавровскаго, Потебни, Житецкаго, — не говоримъ же о западнославянскихъ ученыхъ, какъ напр. Миошичъ, — утверждать подобное передъ людьми сколько ибудь свѣдущими въ славянорусской филологіи нѣсколь смѣло, хотя подобная смѣлость на Руси, гдѣ въ массѣ блики и даже публицистики не принято знать что ибудь основательно въ такихъ предметахъ, и есть дѣло сьма обычное и потому вполнѣ извинительное. Вотъ о однако говоритъ о малорусскомъ языкѣ ученый веикоруссъ и членъ славянскаго благотворительнаго комитета, бывшій профессоръ харьковскій, теперь попе-

читель оренбургскаго учебнаго округа г. П. Лавровскій: [1]) „Пробѣгая мысленно черты малороссійскаго нарѣчія, легко замѣчаемъ, что между ними есть много такихъ, которыя неоспоримо даютъ этому нарѣчію право на такое же самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія нарѣчія славянскія." Послѣ великорусскаго нарѣчія наиболѣе сходства представляетъ малорусское нарѣчіе, по Лавровскому, съ сербскимъ, а не польскимъ. (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1859 г., Нр. 6. О сходствѣ малоруссовъ и сербовъ см. статьи г. Ровинскаго въ В. Европы и Ст. Новаковича въ Вилѣ). Погодинъ преувеличилъ мысль о сербизмѣ малороссовъ до того, что выводилъ ихъ отъ совсѣмъ особаго отъ древнихъ русскихъ, племени, сербо-хорватскаго, переселившагося на Днѣпръ послѣ татаръ. Въ послѣдствіи Погодинъ нѣсколко измѣнилъ свое мнѣніе, — самое сепаратистическое, какое до сихъ поръ было высказано, — но все таки остался при слѣдующихъ словахъ: „племя великорусское и малорусское такъ отличны своими характерами, что допустить это различіе только послѣ татаръ нѣтъ никакой возможности. И племена и нарѣчія древнѣе татаръ." (Кирилло-Меѳод. Сборникъ). — Да собственно нечего пускаться въ тонкую филологію, чтобъ признать самостоятельность малорусскаго языка, или нарѣчія (имена эти относительны); достаточно обыкновеннаго житейскаго и литературнаго опыта и при томъ производимаго не малоруссами въ Великороссіи, такъ какъ образованные малоруссы, конечно, понимаютъ великорусскую рѣчь, часто даже областную, благодаря школѣ и прибавимъ, большей лингвистической сметкѣ, развивающейся среди разномастнаго этнографическаго состава населенія, — но наоборотъ, великоруссами надъ степенью понятности для нихъ малорусской народной рѣчи. Посмотрите

[1]) Да проститъ намъ г. Лавровскій доносъ этотъ, если гр. Дм. А. Толстой предложитъ ему оставить службу.

напр. Историческую Христоматію Буслаева: вы увидите пѣсни олонецкія, нижегородскія, сибирскія, даже бѣлорусскія, — и много-много, если составитель объяснилъ ту, или другую форму, слово; но чуть дошло дѣло до образца малорусскаго нарѣчія, сейчасъ ученый профессоръ почувствовалъ необходимость перевести его цѣликомъ. (тоже самое видимъ и въ такомъ изданіи, какъ Пѣсни русскія, Кирѣевскаго-Безсонова) наконецъ мы имѣемъ третее изданіе Кобзаря въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Теперь остается только вообразить себѣ, каково должно быть наоборотъ малоруссу, котораго передъ тѣмъ школа не научила понимать отчетливо великорусскую и русскую книжную рѣчь (а на это надо время и деньги) имѣщему дѣло съ исключительно великорусской рѣчью.

Впрочемъ спѣшимъ сказать, что мы не разъ уже говорили печатно (напр. въ „Вѣстникѣ Европы" въ статьѣ „Русскіе въ Галиціи" и „Литературное движеніе въ Галиціи"), что одной самостоятельности языка, какъ и другихъ этнологическихъ признаковъ народности, не достаточно еще для того, чтобъ извѣстное племя имѣло самостоятельную литературу. Мы сплошь и рядомъ видимъ въ исторіи найсамостоятельнѣйшія племена безъ всякой литературы. Съ другой стороны мы видимъ племя голландское, племя, которое составляетъ для ученой этнологической и филологической класификаціи только подвидъ нижненѣмецкаго вида нѣмцевъ, — которое однакожъ имѣетъ самостоятельную литературу, вполнѣ его удовлетворяющую. Для развитія литературы необходима конечно этнологическая подкладка, но также и извѣстная совокупность историческихъ и культурныхъ условій.

Въ этихъ именно условіятъ, какъ этнологическихъ такъ и въ культурно-историческихъ мы всегда разсматривали вопросъ о малорусской литературѣ у насъ — и, нѣсколько особо, — въ Австріи, но именно особенностей нашего отношенія къ этому вопросу не удо-

стоили чести замѣтить наши рецензенты, какъ напр. г. рецензентъ „Гражданина", а другіе, какъ напр. обличители въ „Русскомъ Вѣстникѣ," явно и умышленно искажали наши идеи или подмѣняли ихъ самымъ произвольнымъ образомъ, мы думаемъ столько же и гораздо больше по непривычкѣ къ отчотливому усвоенію чужихъ мыслей, и по незнакомству съ предметомъ, сколько и по недобросовѣстности. Основныя мысли предисловія къ „Повѣстямъ Федьковича" и даже многие съ большими подробностями высказаны были нами въ рядѣ статей въ галицко-русской газетѣ „Правда" подъ заглавіемъ: „Литература російска, великоруска, украинска и галицка", — въ которыхъ въ противность терминологіи галицкихъ поляковъ и галицкихъ украйнофиловъ, доказывалось, что въ Росіи дѣйствительно существуетъ общерусская литература (rossyjska), которая вовсе не синонимъ великорусской, или московской; вовсе не противуположна русской или малорусской, — литература общества всероссійскаго, дворянско-чиновническаго, продукта общей съ XVIII в. государственной исторіи и культуры, — (напр. въ беллетристикѣ Онѣгинъ, Мертвыя Души, Рудинъ) но что рядомъ съ нею, послѣ Гоголя, растетъ народная великорусская литература, (сказки Пушкина большая часть комедій и драмъ Островскаго, народныя пьесы Некрасова, педагогическія изданія, какъ Родное Слово, расказы Петрушевскаго и др.) а еще раньше стала расти народная же украинская. Такъ какъ Галичина не попала въ государственную лабораторію Россіи, то здѣсь условія литературы нѣсколько другія. И въ Россіи вопросъ о демократизаціи и народности литературы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о дифференцированіи ея, который разрѣшитъ совокупность центростремительныхъ и центробѣжныхъ условій, а въ Галичинѣ, гдѣ государственные классы поляки или поляко-нѣмце-церковники

(русское уніатское духовенство и чиновники), вопросъ о живости русскаго возрожденія и даже о связи съ русскимъ міромъ на Востокѣ вполнѣ зависитъ отъ степени прикрѣпленія этаго возрожденія къ мѣстнымъ народнымъ, (малорусскимъ) силамъ и тѣснѣйшаго общенія съ украинскимъ литературнымъ движеніемъ, какъ ближайшимъ географически, этнографически, а въ тоже время тѣсно связаннымъ и съ всероссійскимъ и съ велико-русскимъ. И вотъ между тѣмъ, какъ статьи наши подвергались сильнѣйшимъ нападкамъ въ Галиціи за ихъ „москвофильство", когда газета Wieść требовала даже прекращенія печатанія „tej zgubnie tendencyjnej pracy", которая отдаетъ Малороссію въ руки найбольшаго ея врага — Москвы, между тѣмъ, какъ Dziennik Polski называлъ насъ obszczerussom, t. j. stronnikiem moskiewskiej ideji, — zaboru (захвата) i knuta, — статьи наши подверглись такимъ же ожесточеннымъ нападкамъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" въ статьѣ г. Ч. „Современное Украйнофильство" (1875, Нр. 2) какъ „измѣннически полонофильскія", „хитроумно сепаратистическія" и т. п. Рецензентъ московскаго обозрѣнія ни больше ни меньше, какъ скралъ всю первую половину нашихъ статей, — объ общерусской литературѣ, поставилъ намъ въ вину даже терминъ „россійска", противъ польскаго смысла котораго мы именно и полемизируемъ, — и за тѣмъ вторую половину совершенно произвольно передѣлалъ, оставивъ въ неприкосновенности (и за это спасобо) только идею хлопоманіи, какъ характеристику новой, опасной по его мнѣнію, формы совершенаго украйнофильства. Не смотря на такія извращенія, намъ приходилось слышать сужденія автора статьи въ „Русскомъ Вѣстникѣ" изъ такихъ устъ, которыя обязаны были бы знать дѣло не по такому только мутному источнику. [1])

---

1) Это были уста, возвѣстившія намъ въ прошломъ году волю г. министра народнаго просвѣщеиія о томъ, чтобы мы, какъ выс-

Если публицистъ „Русскаго Вѣстника" скралъ или извратилъ наши основныя мысли о малорусской литературѣ, то рецензентъ „Гражданина" ихъ какъ то не замѣтилъ, написавъ слѣдующія слова: „Все предисловіе г. Др-ва направлено къ тому, чтобъ доказать неоспоримость права русиновъ и украинцевъ возвести ихъ народный идіомъ на степень совершеннаго равенства съ языкомъ русскимъ (и польскимъ), т. е. какъ говоритъ рецензентъ выше: что „нарѣчіе малорусское, въ противность утвержденіямъ сторонниковъ русскаго и польскаго языковъ, можетъ развиваться самостоятельно и пріобрѣтать въ исторіи умственнаго развитія тоже культурное значеніе, какого достигли обѣ вышеуказанныя вѣтви славянскаго языка."

Начать съ того, что съ той такъ сказать естественно исторической точки зрѣнія, съ какой мы смотримъ на предметъ, вопросъ о п р а в ѣ совершенно не имѣетъ мѣста: есть или будетъ литература — такъ вотъ ея и право; — вызывается она и подерживается естественными потребностями, такъ сколько ни отрицай ея право на существованіе, а она будетъ существовать и

казавшій въ заграничныхъ изданіяхъ сепаратистическій и полонофильско-измѣнническій образъ мыслей, добровольно оставили службу преподавателя въ кіевскомъ университетѣ. Мы не могли исполнить этого оффиціальнаго предложенія, мотивированнаго аргументами, почерпнутыми изъ статьи московскаго обозрѣнія, такъ „вольно" передавшей наши мысли. Мы впрочемъ предвидѣли, что лично заинтересованные люди не затруднятся перенести этотъ „вольный переводъ" и въ болѣе высокія сферы. Но мы считали нужнымъ паблюсти до конца процессъ обращенія высокопоставленными лицами „общерусса" и „москалефила" польскихъ газетъ въ злостнаго „малорусскаго сепаратиста, дѣйствующаго въ заговорѣ съ поляками". Въ Сентябрѣ прошлаго года, на другой день по проѣздѣ Государя черезъ Кіевъ, намъ вторично было объявлено прежнее предложеніе и послѣ вторичнаго отказа, мы были удалены отъ службы „безъ прошенія", — что и слѣдовало ожидать и что было рѣшено заранѣе, но что почему то рѣшено было привести въ исполненіе послѣ проѣзда Государя. Любопытно, что „Московскія Вѣдомости", воспользовались этимъ дѣломъ, какъ аргументомъ противъ университетскаго устава и возвѣстили, что доцентъ Д. оставилъ кіевскій университетъ послѣ какихъ то „встревожившихъ обще-

рости. Но и вопросъ о равноправности малорусской литературы съ той или другой, и о томъ, что рецензентъ „Гражданина" называетъ „культурное значеніе въ исторіи умственнаго развитія" (чьего?) вовсе не интересенъ, по крайней мѣрѣ для автора Предисловія къ повѣстямъ Федьковича. Въ какой чинъ пожалована будетъ малорусская литература, въ штабъ, или оберъ-офицерскій, это дѣло неважное. Важно только то, чтобъ она была жива, народна и служила умственному развитію тѣхъ, кто говоритъ или будетъ говорить языкомъ народа малорусскаго. А самъ же рецензентъ признаетъ, ссылаясь на народныя пѣсни и на Шевченка, что малорусскій языкъ „чрезвычайно пѣвучъ, образенъ и гибокъ," хотя эти похвалы и плохо вяжутся съ тѣмъ понятіемъ о малорусскомъ языкѣ, какъ о неорганической смѣси польскаго и русскаго языка, какое высказалъ рецензентъ выше и ниже этихъ похвалъ. И если бы даже вся малорусская словесность дала только нѣсколько поэтовъ и беллетристовъ въ родѣ

ственное мнѣніе (студентскихъ) исторій." А между тѣмъ только и исторій было, что восхожденіе кіевскихъ сплетень и извращеній въ публицистику, особенно въ московское обозрѣніе, а потомъ оттуда въ высшія сферы, т. е. безцеремонный обманъ сначала общественнаго мнѣнія, а потомъ и главы государства. Эта исторія превращенія „общеруссa" въ „сепаратиста", начинающаяся съ того времени, какъ онъ помѣстилъ въ одной газетѣ въ злополучномъ Апрѣлѣ 1866 г. разборъ плохой книги для чтенія въ училищахъ кіевскаго округа, изданной тогдашнимъ попечителемъ этого округа, а теперь товарищемъ министра нар. просвѣщенія кн. А. Пр. Ширинскимъ Шихматовымъ, не лишена общаго интереса, особенно если расказать ее съ сопоставленіемъ оффиціальныхъ доносовъ и бумагъ съ конфиденціальными „джентльменскими" разговорами „не начальниковъ съ подчиненными, а напр. кн. А. Пр. Ш. Ш. съ М. П. Др-вымъ" и т. д. Мы когда нибудь раскажемъ эту девятилѣтнюю возню, которая соприкасается съ исторіей народнаго просвѣщенія въ кіевскомъ округѣ и представляетъ не мало любопытныхъ чертъ для характеристики морали Руничей и Магницкихъ нашего времени, лгуновъ и лицемѣровъ въ обществѣ, и администраціи. Мы постараемся сдѣлать это еще при жизни этихъ почтенныхъ персонъ, чтобы они могли опротестовать каждое слово свое и каждую бумагу. Но теперь довольно объ этомъ.

Шевченка, то и тогда она бы сдѣлала свое культурное дѣло нравственнаго поднятія масъ малорусскаго народа и сближенія съ ними теперешнихъ такъ называемыхъ „культурныхъ людей«. — Все, что мы до сихъ поръ видѣли на югѣ Россіи, показываетъ, что малорусская литература, пока еще почти исключительно состоящая изъ беллетристики, поэзіи и популярно-научныхъ брошюрокъ, успѣла уже сослужить свою службу въ этомъ направленіи, и мало того, мы не видимъ въ Малороссіи ничего другого, что бы было въ состояніи исполнить эту роль вмѣсто малорусской литературы.

Еще менѣе можно обойтись безъ малорусской, т. е. на основѣ народнаго языка выросшей литературы въ Галичинѣ. Рецензентъ „Гражданина" видимо пропустилъ безъ вниманія тѣ примѣры галицкихъ литературныхъ жаргоновъ писателей, отвергавшихъ, подобно ему, мѣстную народную рѣчь. Мы не понимаемъ, какъ можно было послѣ этихъ примѣровъ сказать, что галицкіе писатели „отлично знаютъ русскій языкъ", — когда эти примѣры доказываютъ со всѣмъ противное. — а именно, что языкъ галицкихъ „общеруссовъ" и „москвофиловъ" гораздо менѣе русскій, (и въ родовомъ и въ видовомъ смыслѣ), чѣмъ языкъ малорусскихъ писателей, конечно хорошихъ, какъ Шевченко, Квитка, Костомаровъ, Кулишъ и п. т. Кромѣ множества приведенныхъ уже въ нашемъ предисловіи примѣровъ укажемъ на слѣдующій, весьма яркій.

Въ 1866 г. галицкій писатель, перемѣнявшій, по причинамъ политическимъ свое имя на всѣ лады, начиная съ Теодора Дз.....аго, на Богдана Д.....аго. громившій въ 1863 г. несытый централизмъ Москвы" и „московскихъ игемоновъ Каткова и Аксакова," счелъ за нужное написать брошюру: „Въ одинъ часъ научитися малорусину по великорусски." Брошюра эта начиналась

съ смѣлаго положенія: „На Руси одинъ русскій языкъ, а на этомъ языкѣ два выговора,“ — и насчитала только семь „важнѣйшихъ лексикальныхъ различій малорусской рѣчи отъ великорусской: якъ, що = какъ, что, дуже = очень и т. д. Весь прочій лексиконъ обоихъ нарѣчій одинъ и тотъ же“, — провозглашала брошюра, и вслѣдъ за тѣмъ давала отъ себе „Великорусскій переводъ программы Дневника Русскаго 1848 г.“ съ будто бы малорусскаго подлинника, какой издали въ то время поляко-нѣмцы, по воспитанію, выступившіе тогда, какъ королевско-цесарскіе русскіе патріоты. Вотъ этотъ будто бы великорусскій переводъ. Народность главнѣйшимъ условіемъ въ томъ, чтобы народъ пришелъ къ развитію политическому. За тѣмъ (т. е. вотъ почему) на голосъ свободы, который идетъ что молнія по всѣмъ концамъ Европы и кличетъ къ новому житію всѣ ея народы, востаютъ поляки и Русины, чтобъ имѣли удѣлъ въ будущемъ, какое есть приречено народамъ свободнымъ“ и т. д. Если великорусскій языкъ нарочитой брошюры, оказывается сходнымъ съ языкомъ, какимъ пишутъ нѣмцы наставленія объ употребленіи косметиковъ, отправляемыхъ въ Россію, то что же удивительнаго, что языкъ общеруссовъ галицкихъ оказывается въ такой степени нерусскимъ, какъ это свидѣтельствуютъ многочисленные примѣры въ нашемъ предисловіи. Эти примѣры вовсе не говорятъ въ пользу того, что „галицкимъ писателямъ не для чего создавать малорусскій языкъ, — когда они отлично знаютъ русскій“, — а показываютъ именно, что въ Галиччинѣ литературный вопросъ состоитъ не въ вопросѣ о выборѣ между малорусскимъ, еще не готовымъ языкомъ и русскимъ, готовымъ, — а о выборѣ между народнымъ, готовымъ, хотя требующимъ дополненія, въ томъ числѣ и изъ русскаго языка словами удобопонятными, — и польскимъ, или польско-нѣмецко церковно-молорусскою мѣшаниною, дѣй-

ствительно неорганическою. Другіе примѣры изъ новѣйшей литературной исторіи Галичины, приведенные нами, показываютъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безплодныхъ фразъ объ общеруссизмѣ, наиболѣе дѣятельная часть галицкихъ писателей, высокомѣрно смотрящая на народную рѣчь и отвергающая „украинщину" возвратилась опять къ „рутенщинѣ", и вмѣсто теоріи „всемалорусской" признастъ теорію или какой то „церковнорусской", или „австрорусской" народности.

Выгодно ли это для общерусскихъ интересовъ, — пусть рѣшитъ рецензентъ „Гражданина". Но что эта теорія какой то бурсако-австро-рутенской народности невыгодна для народнаго дѣла, и для развитія сколько нибудь живой русской литературы, въ этомъ убѣдится всякій, кто хоть сколько нибудь внимательно перелистуетъ пять шесть номеровъ галицкорусскихъ изданій и двѣ-три книги, — трудъ, котораго впрочемъ наши рецензенты и даже присяжные славяноревнители и рѣшители вопросовъ себѣ не задаютъ.

Краснорѣчивѣйшій примѣръ безплодности и даже вредоносности теоріи поверхностнаго общеруссизма представляютъ русскія области въ Венгріи, которыя сколько нибудь живой русскій человѣкъ не можетъ проѣзжать иначе какъ съ чувствомъ самого ѣдкаго стыда и жгучей боли въ сердцѣ. Тамъ не слыхали объ Украйнѣ, о козакахъ, не слыхали именъ Квитки, Шевченка, Костомарова: тамъ тридцать лѣтъ царствовало поддерживаемое изъ Вѣны „общерусское славянофильство" клерикальнаго характера. Оно убило инстинктивно поднимавшіеся въ 30-е-40-е годы то тамъ то сямъ ростки литературы на мѣстномъ полу-народномъ языкѣ и въ мѣстномъ полународномъ духѣ, на манеръ ростковъ галицкихъ временъ „тріумвирата изъ М. Шашкевича, Я. Головацкаго и Вагилевича." И что же, кто нибудь подумаетъ, что въ Угорской Руси читаютъ Пушкина, Тургенева, говорятъ

и пишутъ языкомъ ихъ, заботятся о народности, народѣ?! Ничего подобнаго! Тамъ патріоты русскіе говорятъ по мадьярски, читаютъ мадьярскія книги, — а если нужно написать по русски, то пишутъ невѣдомымъ языкомъ и о сюжетахъ, которые и во время Тредіаковскаго считались мертвечиною. Не вѣрите, — возьмите любой номеръ Свѣта, Новаго Свѣта, или Карпата, выходящаго въ Унгварѣ! А какая убійственная апатія, какое отчужденіе отъ живыхъ интересовъ вообще, а народныхъ въ особенности, соотвѣтствуетъ тому ненародному языку, которымъ пишутъ немногіе угорско-русскіе литераторы! Какая опасная для будущности русской народности въ Угорщинѣ общественная теорія ложится въ подкладку литературной теоріи тамошней русской интеллигенціи!

Мы два раза перекрестили Угорскую Русь въ разныхъ направленіяхъ, имѣемъ тамъ добрыхъ пріятелей, конечно, будто-бы общеруссовъ, отъ которыхъ мы не скрывали нашихъ общественныхъ теорій и вытекающаго изъ нихъ „украйнофильства". Въ тамошнемъ единственномъ русскомъ журналѣ недавно напечатана была тоже рецензія на изданныя нами повѣсти Федьковича и предисловіе наше, — рецензія вполнѣ джентельменская, по тону, при полномъ несогласіи съ нашими идеями. Рецензентъ угрорусской газеты, въ которомъ, судя по вензелямъ его подписи, мы вправѣ видѣть одного изъ болѣе уважаемыхъ мѣстныхъ писателей (І. Р.), дѣлаетъ намъ уступку и объявляетъ; — „мы почитаемъ и малорусскихъ геніальныхъ писателей, какъ то Шевченка, Гоголя, Квитку, Вовчка, Максимовича, Кулиша, Костомарова, Федьковича и прочихъ трудившихся и еще трудящихся надъ воспроизведеніемъ малорусскаго характера и изображеніемъ народныхъ обычаевъ соплеменниковъ нашихъ." — Никогда еще угорско-русскій писатель не дѣлалъ такого признанія! — „Но

говоритъ выше рецензентъ, — пусть проститъ намъ г. Драгомановъ, если мы не раздѣляемъ его воззрѣній касательно употребленія отдѣльнаго русскаго нарѣчія въ отношеніи распространенія народнаго просвѣщенія и литературнаго образованія». Нашъ рецензентъ говоритъ о необходимости единенія въ русскомъ мірѣ, — что говоримъ и мы, по его же признанію. Но въ чемъ онъ особенно расходится съ нами, такъ это въ слѣдующемъ: «г. Др-въ, говоритъ рецензентъ, — поставляетъ въ вину (многимъ галицкимъ писателямъ), что они, гоняясь за панской образованностію, пренебрегаютъ свой простой народъ и его родной языкъ. Но по нашему мнѣнію раздѣленіе людей на господъ и слугъ всегда будетъ существовать въ соціальной жизни».

И такъ вотъ въ чемъ все дѣло! Но если въ Угорской Руси господа — мадьяре, — то что остается? — Выписать господъ изъ Россіи, — (есть такіе, которые мечтаютъ объ этомъ) — но это не такъ легко. Остается превращаться въ мадьяровъ, такъ какъ всѣ наличные русскіе крестьяне — слуги, и неслугамъ, русскимъ іереямъ, остается выборъ между народностью господъ, мадьяръ, и народностью слугъ — русскихъ, малоруссовъ. И послѣ этого русскіе патріоты удивляются, что, какъ сообщалъ намъ одинъ изъ нихъ, въ унгварской гимназіи до 140 учениковъ уніаты, т. е. дѣти собственно русскихъ священниковъ, но записало себя русскими только немного больше 30.

До какой же степени далекъ отъ нашего русскаго, особенно современнаго языка и духа литературы будто бы общерусскій языкъ и духъ хоть бы напр. «Карпата,» видно хоть бы изъ слѣдующихъ строкъ изъ передовой статьи угорскорусской газеты:

«Христосъ воскресъ!

«Минувшимъ праздествомъ привѣтствуемъ все-

почтенныхъ читателей поздравленіемъ, происходящимъ отъ перваго утра воскресенія.

„Можетъ быти, празникъ не былъ веселъ, — онъ былъ окруженъ обстоятельствамы разнаго рода, которые не были расположены къ тому, чтобъ увеселити размышляющаго о будучности человѣка!

„Жалко — но совершенная правда!

„Миръ нарушенія, — буря грозитъ съ всѣхъ сторонъ, — чтось шумитъ въ воздухѣ, — самая природа безпорядковымъ рядомъ грозитъ плодамъ земли, — внутри и внѣ большія опасности и наконецъ почти ничего потѣшительнаго!" и т. д.

Слѣдующій образчикъ даетъ понятіе и о языкѣ, и о литературномъ, и моральномъ развитіи угрорусскихъ писателей

ОДА

къ его преосвященству

Куръ

НИКОЛАЮ ТОВТУ,

АРХІЕРЕЮ ПРЯШЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Отецъ!

На жизненномъ пути страхъ Божій велъ тебя,
Благословенье осѣнило,
И провидѣніе твой ходъ опередя
У цѣли зажегло свѣтило.

*
* *

Сколь ясно поприще твое! какъ орлій летъ,
Когда стремится къ солнца свѣту.
Твой духъ стремился къ совершенсту все въ передъ,
Паря къ нѐбесному зениту.

*
* *

Ты злобу дня оставилъ низко подъ собой,
Да лесть житейскихъ мелкихъ суетъ,
И все . . . что убиваетъ у души покой,
Что жадну грудь людей волнуетъ.

*
* *

Твоя-то жажда заключалася не въ томъ,
Ты жаждалъ упоиться бьющимъ
Святаго Духа отъ небесъ источникомъ,
Вкусившихъ къ небесамъ влекущимъ.

* *
*

Вода источника дается только тѣмъ,
Духъ коихъ сталcя для принятья
Достойнымъ святости ея вмѣстилищемъ,
Тѣхъ оживляетъ кажда капля;

* *
*

Но такъ какъ получаемъ струи этихъ водъ
Лишь по вмѣстимости сосуда,
И подвиговъ твоихъ смотря обильный плодъ,
Мы должны заключать оттуда:

* *
*

Что ты по тѣлу бывши жителемъ земнымъ,
Душей отдался жизни Царства,
Значитъ: удостоился быть вмѣстительнымъ
Сосудомъ Духа свѣтодавца:

* *
*

Межь тѣмъ твой нимбъ что день то болѣ возрасталъ,
Сіяло имя ореоломъ,
Вѣнецъ твоихъ заслугъ тебя ужъ ожидалъ —
Ставъ надъ Святительскимъ Престоломъ.

* *
*

Передъ престоломъ въ брачномъ одѣяньи ждетъ
Тебя давно твоя невѣста,
Трепещетъ отъ любви, шлетъ напередъ привѣтъ
Съ восторгомъ твоего прїѣзда!

* *
*

Съ твоимъ прїѣздомъ сотня тысячей сердецъ
Воспламенится вдругъ любовью,
И вздрогнетъ грудь Карпата добрый нашъ Отецъ!
Горя обнятой быть тобою.

* *
*

Вотъ прїѣзжай, Благослови твоихъ дѣтей!
Желаетъ наша вся утроба:
Жiй полноту да долготу счастливыхъ дней!
Для блага Церкви и Народа!

А. И. Павловичъ.

Нужно прибавить, что г. Павловичъ считается въ Угорской Руси едва ли не лучшимъ поэтомъ и перваго качества патрiотомъ. По крайней мѣрѣ г. Матисовъ въ статьѣ своей „Угорская Русь" въ „Бесѣдѣ" 1871, Нр. 7, говоритъ о томъ, что „особенно содѣйствовали народному движенiю его патрiотическiя стихотворенiя" — образецъ которыхъ тамъ и приведенъ:

Славянски роды, дѣти свободы,
Цѣлому мiру свободы желаютъ и т. д.
Пропадетъ гордыхъ navладѣнье (Uebermacht)
Равноправности цвѣтнутъ нѣжны цвѣты,
Воплощается уже мнѣнiе:
Долженъ человѣкъ человѣкомъ быть.

восклицалъ угорско-русскiй патрiотъ еще недавно, — а кончилъ вышеприведенной одой завѣдомому мадьяропу!

Какъ ничтожно наглядное знакомство даже, угорско-русскихъ литераторовъ съ нашею русскою литературою, видно хоть бы изъ того, что рецензентъ „Карпата" поставилъ Гоголя въ ряду писавшихъ по малорусски!

И между тѣмъ какъ угорскорусскіе патріоты такъ удалены отъ нашей живой русской литературы, между тѣмъ какъ они пишутъ такимъ удивительнымъ вымученнымъ языкомъ, о такихъ предметахъ, какъ напр. о томъ, „что Его Преосвященство, епископъ Іоаннъ изволили купити себѣ новую мантію", — мадьярская литература растетъ дѣйствительно замѣчательно быстро для такого небольшого племени, даетъ переводы и изъ нашихъ Тургенева, Гоголя (недавно вышелъ Ревизоръ) — NB. обогащается переводами такихъ произведеній европейской научной и политической мысли, какихъ появленіе на русскомъ языкѣ и въ Россіи невозможно. Чтожъ удивительнаго, если все живое отпадаетъ отъ русской народности въ Венгріи, и увеличиваетъ собою количество сознательныхъ и безсознательныхъ народныхъ пьявокъ, а прекрасное, здоровое, еще недавно вооруженное племя русскихъ Верховинцевъ обращается въ паріевъ на своей собственной землѣ.

И наши національные либералы и славянофилы думаютъ остановить этотъ разрушительный національный и соціальный процессъ пустыми фразами о русскомъ единствѣ, два-три раза въ годъ выкликнутыми гдѣ нибудь въ Петербургѣ или въ Кіевѣ, да много-много подачкою въ 100—200 рублей первой протянувшейся изъ подъ уніатской рясы рукѣ! Скажетъ кто: надо вступить въ конкуренцію съ мадьярскою культурой усилить посылку въ угорскую Русь нашихъ русскихъ книгъ: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Соловьева и т. д. Всенепремѣнно (хотя, повторимъ, литература маленькаго мадьярскаго племени имѣетъ теперь ужэ такое, чего мы

при цензурѣ имѣть не можемъ)! Но только надо приготовиться къ тому, что черезъ два года послѣ того, какъ угорскорусская молодежь усвоитъ себѣ новую „общерусскую" литературу, — среди нея появится своего рода украйнофильство, т. е. малорусская народная партія съ мѣстнымъ оттѣнкомъ. [1]) И только тогда мы увидимъ въ Угорской Руси и начало живой литературы и начало энергическаго, народнаго патріотизма, который не будетъ ждать указовъ изъ Вѣны и субсидій, чтобъ служить народу, и не сложитъ такъ рукъ, какъ сложили ихъ послѣ 1867 г. русскіе патріоты въ австрійскомъ полицейскомъ мундирѣ, появившіеся послѣ 1848 г., послѣ усмиренія венгерскаго возстанія.

Полагаемъ, что каждый живой русскій человѣкъ въ Россіи порадовался бы такому результату, — а ужъ какова по табели о рангахъ вышла бы малорусская литература въ Венгріи это было бы для него дѣломъ второстепеннымъ. Рецензентъ „Гражданина" думаетъ впрочемъ, что пока „украинскіе и галицкіе писатели будутъ обусловливать свое творчество малороссійскимъ нарѣчіемъ," то не бывать имъ ни Тургеневымъ, ни Некрасовыми, ни даже Рѣшетниковыми. „Доказательство тому онъ видитъ и въ повѣстяхъ Федьковича — которыя кромѣ этнографическаго, довольно яркаго колорита, не представляютъ собою высшихъ задачъ творчества. Все какъ-то мелко и низменно въ этомъ маленькомъ мірке, который изображаетъ намъ Федьковичъ въ своихъ стихотвореніяхъ и повѣстяхъ."

Мы не считали удобнымъ писать рецензію на издаваемыя нами повѣсти живаго автора въ предисловіи

---

[1]) Такъ вышеупомянутое галицкорусское общество „Академическій Кружокъ" обратилось къ мѣстному малорусскому народному направленію именно послѣ болѣе близкаго знакомства съ настоящею московскою литературою и сравненія ея съ мѣстною тредьяковщиною, выдававшеюся долго за общерусскую литературу. —

къ нимъ — и ограничились только краткими намеками на ихъ достоинства и недостатки. Мы вовсе не ставили Федьковича въ одинъ рангъ съ Тургеневымъ, Некрасовымъ и т. п. Мы только сказали, — что лишь на такой дорогѣ живописанія народнаго быта народной же рѣчью австрійская Русь можетъ дать намъ не мертвые плоды, не Тредьяковскихъ, а Тургеневыхъ, Островскихъ и т. п. Какъ ни слабъ относительно Федьковичъ, но, опять относительно, стихи и повѣсти Федьковича безконечно выше всего, что дала намъ австрорусская литература, особенно рутенскаго и будто бы общерусскаго лагеря. Что нибудь значитъ уже то обстоятельство, что сейчасъ послѣ своего появленія въ Россіи повѣсти Федьковича вызвали пять рецензій, которыя всѣ, кромѣ одной, признаютъ возможность хоть читать Федьковича, — чего рѣшительно нельзя сказать ни объ одномъ изъ галицкихъ писателей, патронируемыхъ нашими литературными централистами. Значитъ, по меньшей мѣрѣ народный языкъ не помѣшалъ Федьковичу, если не помогъ.

Идеи Федьковича не широки, — хотя шире идей весьма многихъ изъ его соплеменниковъ, да не уже идей, проповѣдываемыхъ нашими словянофилами, — но языкъ тутъ ни причемъ. Федьковичъ въ совершенствѣ владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ и печатаетъ на немъ стихи и прозу. Виноватъ тутъ кругъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло Федьковичъ, не идущій дальше національно-религіознаго патріотизма, и его недостаточное воспитаніе. То и другое сдѣлали, что онъ смотритъ на свои народныя повѣсти, какъ на дѣло неважное, а занимается такими вещами, изъ которыхъ врядъ ли выйдетъ что живое. Но чтобъ ужъ совсѣмъ все было „низменно и мелко въ мірке" Федьковича, съ этимъ мы не можемъ согласиться. Та сила страсти, какая представлена въ повѣсти Люба-Згуба, та теплота дружбы, какую видимъ въ „Три, як рідні брати",

то энергическое требованіе правды въ житейскихъ отношеніяхъ, какое обнаруживаетъ Сафатъ Зиничъ, то гуманное сочувствіе къ горю, отвращеніе отъ эксплуататоровъ народа, въ томъ числѣ изъ людей своей народности, каковъ напр. упіатскій попъ въ повѣсти „три, як рідні брати,“ наконецъ, тотъ довольно смѣлый скептицизмъ, какимъ проникнута приведенная нами элегія Федьковича, не совсѣмъ оправдываютъ приговоръ о „низменности и мелкотѣ“ по крайней мѣрѣ поэтическаго чутья, если не сознательныхъ идей Федьковича. Если такъ, то низменны и мелки образы Записокъ Охотника, Коробейниковъ, Грозы, Казаковъ (Л. Толстого), съ которыми впрочемъ съ артистической стороны мы вовсе не думаемъ сравнивать повѣсти Федьковича. Но та или другая сила таланта, умѣнье отдѣлки зависитъ вовсе не отъ языка писателя, если только языкъ этотъ живой, а не мертвый.

Сама эта идея — особенно если она сознательна, — писать о массахъ народа языкомъ ихъ самихъ или наиближайшимъ къ нему, на столько высока и широка, что выше и шире ея мало можно и найти идей, а потому она не только не свяжетъ таланта, а напротивъ дастъ ему толчокъ. Исторія всѣхъ литературъ на свѣтѣ потверждаетъ это значеніе идеи о lingua volgare, говоря терминомъ Данта. Рецензентъ „Гражданина“ признаетъ „сильное выраженіе поэтическаго творчества въ „талантливыхъ произведеніяхъ Шевченка“, — который по его словамъ, „черпалъ свои поэтическіе мотивы изъ народнаго источника, богатаго историческими преданіями“. Вотъ, значитъ, уже и есть область, въ которой малорусскій языкъ не только не стѣсняетъ таланта, а напротивъ окрыляетъ его! Мы скажемъ болѣе: оставивъ этотъ языкъ, какъ совѣтуетъ рецензентъ „Гражданина“, малорусскіе писатели не только не создадутъ себѣ условій стать Тургеневыми, Некрасовыми, —

а убьютъ сами себя: вѣдь имъ останется только перепѣвать другихъ. Во времена Гоголя еще можно было написать „Вечера на хуторѣ“ и „Тараса Бульбу“ не помалорусски, а теперь нельзя. Теперь подобныя вещи или являются по малорусски и вещи не безталанныя же (Шевченко, Марко Вовчокъ, Нечуй), — или совсѣмъ не являются. Что же лучше? Далѣе, — совершенно невѣрно видѣть въ Шевченкѣ только пѣвца „историческихъ преданій,“ Онъ шелъ дальше преданій! Довольно указать на многія думы политическаго, соціальнаго и религіознаго характера, или на посланіе къ Шафарику, въ которомъ, вылилась программа малорусскаго панславизма, который мы не затрудняемся поставить выше того шовинизма, какой выразился въ пушкинской одѣ „Клеветникамъ Россіи“, или въ стихотвореніяхъ Хомякова. На сколько „мужицкая“ природа Шевченка помогла ему въ этомъ случаѣ достигнуть большей широты идей, — это не требуетъ объясненій; мужицкій же языкъ Шевченка не стѣснилъ. — и въ тоже время не смотря на то, что Шевченко расширилъ область этого языка, языкъ его не пересталъ быть вполнѣ народнымъ.

Когда послѣ Шевченка передъ украинскими писателями сталъ вопросъ о языкѣ прозы, языкѣ науки хотя бы популярной, то конечно, почувствовались затрудненія, явились примѣры комическаго словокованія, но, понимающему дѣло, ясно, что послѣ Шевченка языкъ малорусской литературы все таки успѣлъ значительно развиться, не потерявъ основной своей черты — „мужичества“. Будущее можетъ быть еще болѣе благопріятно развитію этого языка, тѣмъ болѣе что подкладка его, народная рѣчь, еще вполнѣ свѣжа, и вовсе не вымираетъ, а народное творчество не стоитъ: доказательство — масса пѣсенъ и сказокъ, записанныхъ въ самое послѣднее время изъ устъ народа и новыя пѣсни, напр. объ эманципаціи крестьянъ, о польскомъ возстаніи

1863 г., сатиры на волостныя правленія, на сдирства священниковъ и т. п., вовсе не „низменнаго“ свойства народныя произведенія.

Вообще это большая ошибка рѣшать какой бы то ни было вопросъ съ точки зрѣнія сегодняшнихъ формъ и условій жизни, — безъ оглядки впередъ и назадъ, а часто, и около. У насъ особенно часто впадаютъ въ подобную ошибку, полагаемъ, вслѣдствіе большой „свободы отъ наукъ.“ Вотъ и рецензентъ „Гражданина“ выражаетъ сомнѣніе, чтобъ малорусское нарѣчіе могло стать наравнѣ съ тѣми славянскими языками, которые выработывались въ продолженіи цѣлаго ряда вѣковъ, переживая многіе періоды умственнаго перерожденія Европы.“ Г. Милюковъ построилъ цѣлую статью „Вопросъ о малороссійской литературѣ“, на такихъ мысляхъ: что до конца прошлаго вѣка никто не писалъ по малорусски, что въ XVII—XVIII в. въ Малороссіи писали языкомъ-смѣсью польскаго и обще-русскаго (котораго тогда еще не было!), изъ каковой то смѣси-порчи и образовалось малорусское народное нарѣчіе, — что, наконецъ, стремленія, подобнаго обнаруживаемому малорусскими писателями нѣтъ нигдѣ, ни въ одной культурной странѣ, гдѣ безраздѣльно господствуютъ языки Данте, Вольтера, Шиллера и т. п. Вся бѣда въ томъ, что подобныя вещи пишутся обыкновенно „отъ руки!“ Писали когда то французскіе академики, что въ Италіи нѣтъ народныхъ пѣсенъ, ибо страна, давно имѣвшая Данте и Боккаччіо, не можетъ сохранять этотъ мужицкій лепетъ! Рѣшали когда то экономисты, что община есть дикое учрежденіе, давно сокрушенное прогрессомъ и т. д. и т. д.

Увы! въ послѣднее время наука поколебала вѣру въ продолжительность существованія и непреложную разумность многихъ формъ и явленій жизни современнаго общественнаго строя, въ томъ числѣ и еще недавно

крѣпкую вѣру во всеобъемлемость, давность и незыблемую стойкость центральныхъ, государственныхъ литературныхъ языковъ, какъ и другихъ порожденій бюрократически-мѣщанскаго строя послѣдняго періода исторіи Европы. Оказалось во первыхъ, что литературные языки не цѣлое, а часть, не исконное, а вторичное и условное, и далеко не старое. Если относительно малорусскаго языка у насъ еще возможны мнѣнія, въ родѣ заявленнаго г. Милюковымъ, то только благодаря нашему необыкновенному умѣнію одного не знать, а другое забывать, а также благодаря нашему поистинѣ варварскому невниманію къ памятникамъ нашей культуры. Не будемъ говорить о несомнѣнныхъ признакахъ малорусскаго языка въ памятникахъ до XV в., указанныхъ много разъ въ трудахъ Максимовича, Буслаева, Срезневскаго, но въ высшей степени комично читать въ книгѣ, вышедшей въ 1875 г. увѣренія, что будто малорусское нарѣчіе образовалось подъ польскимъ господствомъ, — изъ смѣси «чисто и общерусскаго, новгородскаго (!) языка съ польскимъ и болгарскимъ (!!!) [1]) Съ XV. по XVIII. вѣкъ можно уже прослѣдить весьма яркую литературную исторію малорусскаго нарѣчія, по

---

1) Мимоходомъ замѣтимъ, что ученые въ родѣ г. Милюкова не понимаютъ разницы между литовскорусскимъ княжествомъ и польскимъ государствомъ послѣ 1569 г., а то они бы сообразили, что польскому вліянію некогда было и передѣлать народъ малорусскій напр. на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ едва успѣли въ началѣ XVII в. нѣсколько магнатскихъ родовъ ополячиться, какъ въ 1648 г. взрывъ Хмельниччины на всегда снесъ въ этой странѣ польское вліяніе. А вѣдь полтавскій языкъ такой же самый, какъ и волынскій и галицкій. Изъ временъ до люблинской уніи первой половины XVII в. мы имѣемъ и думы и грамоты и вирши для своего времени чисто малорусскія. Все это дѣленіе Руси на чистую и ополяченную есть ничто иное, какъ результатъ незнанія и привычекъ мысли представлять себѣ исторію народа въ рамкахъ династическихъ, благодаря которымъ Карамзинъ проглядѣлъ Литовскую Русь, и даже борясь противъ стремленій возстановить Польшу при Александрѣ, воображалъ ее (какъ и нѣмецъ Нессельроде, все также до Днѣпра и Двины, какъ и польскіе магнаты.

меньшей степени не уступающую въ количествѣ памятниковъ исторіи нарѣчія великорусскаго. Не смотря на то, что весьма разнообразное варварство, національное, религіозное, полуученое и неученое съ XVII в. умышленно истребляло и пренебрегало этими памятниками, — все таки ихъ осталось довольно, чтобъ утверждать, что старый малорусскій языкъ (называвшійся тогда русскимъ, — что г. Милюковъ страннымъ образомъ поворачиваетъ противъ малорусской литературы) былъ органомъ и церковной жизни (православной, католической и даже протестантской), и государственной, и судебной, и литературно-научной, какова она тогда была на югозападѣ Руси: На этомъ языкѣ есть, кромѣ богословскихъ трактатовъ, полемики, учительныхъ наставленій, перевода Пѣсни пѣсней, Страстей, всего евангелія, напр. Пересопницкое евангеліе, сдѣланное для православныхъ и католиковъ, — замѣчательный памятникъ, который къ стыду представителей русской оффиціальной науки не изданъ до сихъ поръ и запроторенный въ трущобу (полтавская духовная семинарія) не могъ быть добытъ даже на археологическую выставку въ Кіевѣ 1874 г. На этотъ языкъ переводились занимавшія тогда весь европейскій міръ астрологическіе трактаты, лечебники, бестіаріи, повѣсти въ родѣ Александреиды, Римскихъ Дѣяній. На немъ сочинялись оригинальныя политическія вирши, — напр. приложенныя къ Богдану Хмельницкому Костомарова, — потомъ драмы, не только церковныя, но и политическія, какова напр. Милость Божая Украйну свободившая, — комедіи съ весьма реальнымъ характеромъ, какъ комедіи Довгалевскаго, весьма богатая литература козацкихъ лѣтописей и дневниковъ XVII и XVIII в. (Лѣтопись Самовидца, Грабянки, Величка и др.) На этомъ языкѣ проповѣдывали и преподавали, въ томъ числѣ и въ высшихъ школахъ, въ Кіевѣ и Харьковѣ до второй половины XVIII в. Если масса нашей публики

не знаетъ объ этой литературѣ, — то виною тому наша школа, въ которой говорится о Григоріѣ Цамвлахѣ, но не говорится ни слова объ Іоаннѣ изъ Вишни, въ которой учатъ о Котошихинѣ и не упоминаютъ о Самовидцѣ и Самуилѣ Величкѣ, восхищаются одой на взятіе Хотина, но не знаютъ вирши на освобожденіе малорусскаго народа отъ поляковъ и т. д. и т. д. Но литераторамъ, берущимся рѣшать вопросы словесности русской, надо бы знать все это и не утверждать съ плеча, что помалорусски начали писать только весельчаки и чудаки со временъ Котляревскаго, или что языкъ южнорусской литературы XVII—XVIII в. былъ или общерусскій, или церковнославянскій, или неорганическая смѣсь общерусскаго съ польскимъ и т. п. Конечно, языкъ этотъ отличается отъ народнаго, особенно отъ приднѣпровскаго, какой теперь считается за малорусскій par excellence, но во первыхъ, гораздо меньше чѣмъ Ломоносовскій отъ московскаго народнаго, признаваемаго образцовымъ, имѣетъ меньше иностранныхъ примѣсей, чѣмъ русскій оффиціальный языкъ въ XVIII в. и въ цѣломъ, настолько народенъ, что и теперь малорусскій мужикъ съ большимъ удовольствіемъ прослушаетъ изобличенія какого нибудь Іоанна изъ Вишни противъ іерарховъ XVI в., и больше пойметъ ихъ, чѣмъ Слова и Рѣчи знаменитыхъ Иннокентіевъ, Филаретовъ, Платоновъ.

Всѣ разсужденія о некультурности малорусскаго языка и всѣ рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ его къ теперешнему общерусскому, основаны только на послѣднемъ столѣтнемъ періодѣ исторіи Россіи, — конечно важномъ, но такомъ, въ которомъ преобладалъ подавляющій провинціи строй жизни, въ которомъ масса народа, опора народной литературы, была закрѣпощена, вопросъ о народномъ образованіи вовсе не былъ поставленъ серьозно и широко, частная и общественная

иниціатива до крайности стѣснена и т. д. И если и въ это время зародилась чисто народная малорусская литература и успѣла даже, какъ это можно доказать примѣромъ Гоголя, котораго **Вечера** немыслимы безъ Котляревскаго, Гулака, Гоголя — отца, оказать вліяніе и на Великую Русь, — то право, это что нибудь да значитъ. Мы вовсе не расположены преувеличивать достоинства малорусской литературы; — со всѣмъ напротивъ, въ нашихъ печатныхъ сужденіяхъ о ней многіе видѣли излишнюю строгость, — но право уже пора провѣрить справедливость кѣмъ — то пущенной остроты о десятифунтовой малорусской, шутливо — плачевной литературѣ, — остроты, такъ охотно усвоенной среднимъ русскимъ „культурнымъ человѣкомъ," который знаетъ Малороссію только по балаганнымъ исполненіямъ „Москаля Чарівника" и пѣснямъ, въ родѣ „Била жінка мужика". Теперь не мало издано однихъ пѣсенъ и разсказовъ народныхъ, которыхъ уже потому нельзя выключать изъ имѣющей общій интересъ словесности, что между ними наберется не на одинъ томъ пьесъ рисующихъ глубоко-человѣческія черты быта и понятій малорусскаго народа о жизни семейной, политической и соціальной. За тѣмъ славянскій міръ вовсе не такъ богатъ талантами, чтобъ въ немъ вовсе ничего не значили такіе „живописцы роднаго быта" говоря словами Гоголя, какъ Квитка, Котляревскій, М. Вовчокъ, Стороженко, Кулишъ, Нечуй, Федьковичъ, — которыхъ появленіе, не смотря ни на что, не прекращается, такими страстными проповѣдниками свободы, гуманности, „правды и науки", какъ Шевченко. Кромѣ того и въ Россіи и въ Галичинѣ напечатано нѣсколько весьма недурныхъ народныхъ новеллъ, переводовъ (напр. изъ Ауербаховыхъ Шварцвальдскихъ разсказовъ, Иліада, перев. Руданскаго, изъ сербскихъ пѣсенъ Старицкаго и т. д.), нѣсколько весьма порядочныхъ популярныхъ брошюръ. Достойны вниманія и

нѣкоторыя этнографическія, историческія, статистическія статьи, печатаемыя въ Галичинѣ съ 1867. — напр. Перший періодъ історіи козацтва, Світоглядъ украинскаго народа, Що намъ коштуе пропинація? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ напечатаны въ Львовѣ, Лейпцигѣ и Вѣнѣ украинскіе переводы Пятикнижія Моисея, Евангелій, Псалтыря, книги Іова: существуетъ нѣсколько рукописей полнаго перевода Новаго Завѣта. Это немного, — но, при извѣстныхъ всѣмъ условіяхъ и не мало. На перекоръ журнальной травлѣ русскихъ культурныхъ людей и насмѣшекъ ихъ надъ „хохлацкой" литературой, и великорусская публика покупаетъ переводы малорусскихъ поэтовъ и беллетристовъ, которыми не брезгаютъ и такіе корифеи, какъ Тургеневъ. Да и за границей послѣ Боденштедта, Тальви, Ральстона, Рамбо, Дюрана и др. койчто уже знаютъ о малорусской народной словесности, устной и письменной, а въ Сербіи считаютъ ее какъ бы своею. (См. дальше отзывъ г. Ст. Новаковича о Шевченкѣ и Федьковичѣ и хорватскаго Vienc'а о М. Вовчкѣ и украинской народной новеллѣ вообще). Зачѣмъ же такъ смѣло отрицать будущее?

Отрицательное отношеніе къ малорусской литературѣ есть результатъ не только незнанія прошедшаго и отсутствія анализа настоящаго, но и незнанія того, что дѣлается около и въ европейскомъ и даже ближайшемъ славянскомъ мірѣ. Г. Милюковъ напр. смѣло увѣряетъ, что стремленія, подобнаго литературнымъ малорусскимъ, нѣтъ нигдѣ въ западной Европѣ. Съ своей стороны, мы можемъ отослать г. Милюкова къ фактамъ, приведеннымъ въ статьяхъ Вѣстника Европы: Народныя нарѣчія и мѣстный элементъ въ обученіи (1874 г. Августъ), — — и Новокельтское и Провансальское движеніе въ Франціи (1875. Августъ и Сентябрь) и насчетъ болѣе новыхъ фактовъ, къ статьѣ о провансальской литературѣ двухъ послѣднихъ годовъ въ Revue des deux

Mondes 1875, 15. Decembre, а насчетъ Германіи къ книжкѣ кильскаго профессора Клауса Грота Ueber Mundarten und mundartige Dichtung (Berlin 1873), къ многочисленнымъ книгамъ и статьямъ, посвященнымъ въ прошлые два года умершему нижне — нѣмецкому писателю Фрицу Рейтеру, — къ книгамъ въ родѣ недавно вышедшей въ Лейпцигѣ, Die deutschen Mundarten im Liede, — касательно Италіи къ статьѣ The poetry of italian dialects въ Cornhill magazine 1874, December. Оттуда можно увидѣть, что во всей Европѣ замѣчаются движенія совершенно аналогичныя съ проявленіями нашего украйнофильства, хотя есть и свои отличія, между прочимъ и въ томъ, что европейская публика не накидывается на эти движенія, а относится къ нимъ уважительно, — и черезъ то не даетъ имъ остраго характера. Въ странѣ, обладающей старѣйшимъ центрально-литературнымъ діалектомъ, въ Италіи, въ послѣднее время не только выростаютъ провинціальныя литературы, но даже накопилась цѣлая литература о томъ, что дѣлать съ тѣмъ языкомъ, который, (употребляя терминологію нашихъ централистовъ,) надо бы называть, какъ и называли, пока наука не подкопала этаго имени, — «чисто итальянскимъ», литературно-флорентинскимъ: оставить ли его абстрактнымъ, осуждая на мертвенность, или вновь сблизить съ народнымъ, тосканскимъ, — но тогда съ опасностію сдѣлать его еще болѣе провинціальнымъ (см. напр. статью Caix la formazione degli idiomi letterarii in ispecie dell' italiano dopo le ultime ricerche, въ N. Antologia 1874 и книги Giovanni, Giuliani, Fanfani и др.) Слѣдуетъ думать, что дѣло перемелется къ общему удовольствію и пользѣ, — но процессъ повсюду завязавшійся между живою народною рѣчью и книжными литературними нарѣчіями, получившими преобладаніе въ придворно-бюрократическій періодъ исторіи народовъ, дѣло-

совсѣмъ не шуточнаго свойства, и вовсе не такого, чтобъ его могли рѣшить журнальные громы и канцелярскія предписанія, — въ з. Европѣ впрочемъ невозможныя.

Но у насъ даже въ тѣхъ кругахъ, гдѣ горячатся на темы о народѣ, почвѣ, деревнѣ, не считаютъ себя обязанными слѣдить за явленіями этого всеевропейскаго процесса. Впрочемъ у насъ, даже тѣ, кто говоритъ объ общерусскихъ и общеславянскихъ интересахъ, не считаютъ себя обязанными знать и анализировать явленія и условія нравственной жизни даже ближайшихъ къ намъ славянскихъ народовъ, даже русскихъ людей, находящихся за границами Россіи. Такъ, въ предпослѣднее время много было говорено въ извѣстныхъ кругахъ о предстоящей будущности русскаго литературнаго языка въ славянскомъ мірѣ и изъ этого выводились новыя осужденія попыткамъ возрожденія малорусской литературы. Указывали на примѣры Франціи, Германіи, скрѣпившихъ свое единство благодаря единству литературнаго языка, жаловались на раздробленіе славянъ и т. п. Забывали только при этомъ, что всенѣмечество не то, что все-германство (съ Голландіей, Даніей и Скандинавіей). Забываютъ и то, что Германія собственно была всегда политически объединена и что Лютеръ прямо говоритъ, что онъ пишетъ языкомъ „имперской канцеляріи" — Kanzlei-Deutsch. [1]) Таковой всеславянской канцеляріи

[1]) Такъ какъ у насъ извѣстная партія любитъ указывать всѣмъ славянамъ примѣръ Германіи, то мы считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ слова Лютера, чтобъ видно было, что собственно разумѣлъ Лютеръ подъ именемъ gemeine Deutsche Sprache: „Ich rede nach der sächsischen Canzeley, welcher nachfolgen alle Fürsten und Könige in Deutschland. Alle Reichsstädte, Fürsten-Höfe schreiben nach der sächsischen Canzeley; darum ist es auch die gemeinste deutsche Sprache." (Tischreden. cap. 69). — О теперешнемъ литературномъ языкѣ нѣмецкомъ, который вовсе не зовутъ ученые общенѣмецкимъ по существу, а neuhochdeutsch, одинъ изъ лучшихъ его грамматиковъ говоритъ: „на сѣверныхъ и южныхъ окраинахъ его понимаютъ больше глазами, чѣмъ ушами." (Engelien, Grammatik der neuhochdeutschen Sprache für höhere Bildungsanstalten, 8).

исторія не показала. Мало того, — исторія литературнаго единства французовъ и нѣмцевъ показываетъ, что центръ литературный тамъ перемѣнялся нѣсколько разъ, отчего литературное нарѣчіе дѣйствительно набиралось по дорогѣ разныхъ провинціальныхъ особенностей, которыя дѣйствительно въ извѣстной степени суммировались въ литературномъ діалектѣ. Въ славянщинѣ этого опять не было, — а въ православномъ славянствѣ мы видимъ, что сначала нарѣчіе одного племени было навязано всѣмъ, какъ церковное, и вся дальнѣйшая литературная исторія напр. сербовъ и русскихъ, а въ послѣднее время и новоболгаръ направлена къ тому, чтобъ выбиться изъ подъ ига этаго единаго, но не народнаго нарѣчія, — и если мы хвалимъ Карамзина, Пушкина, Крылова за реформу литературнаго языка въ смыслѣ сближенія его съ живою народною, великорусскою (это всѣ признаютъ) рѣчью, то мы этимъ самимъ осуждаемъ именно наши централистическія панславистическія фразы. А такъ какъ въ послѣднее время процессъ сближенія русской государственной культуры съ народностью растетъ все больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ не только процессъ обрусенія литературнаго языка, но и овеликорусенія его, — то вопросъ литературнаго централизма въ славянщинѣ теперь состоитъ уже въ томъ, чтобъ сдѣлать опять нарѣчіе одного племени господствующимъ надъ другими. Весьма вѣроятно, что великорусское нарѣчіе и станетъ посредствующимъ въ славянщинѣ, но на это нужно время и условія, благопріятныя богатству и силѣ мысли въ Россіи вообще, а въ Великороссіи въ частности, и скорѣйшій выходъ русской литературы изъ того состоянія маразма, который всѣми теперь чувствуется, но котораго настоящія причины никто не смѣлъ, или неумѣлъ до сихъ поръ указать. Во всякомъ же случаѣ господство великорусскаго нарѣчія не можетъ быть уже потому исключительно, что совершенно таже

идея, которая даетъ ростъ ему, вызываетъ ростъ и другихъ не только западнославянскихъ, но и русскихъ нарѣчій и въ Россіи, а особенно за границей.

Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что мы употребляемъ термины „русскіе славянофилы", „русскіе панслависты" только по тому, что эти термины обыкновенно употребляются для наименованія людей извѣстнаго направленія. На самомъ же дѣлѣ славянофиловъ въ Россіи нѣтъ и никогда не было, какъ партіи и даже кружка. Для этого во первыхъ еще нѣтъ въ русскомъ обществѣ ни знаній о славянахъ, ни охоты пріобрѣтать ихъ, ни политическаго развитія, ни способности къ болѣе широкому воззрѣнію на вещи. Такъ называемые московскіе славянофилы были не панславистами, а пан-православистами (и теперь въ адресѣ къ Черняеву московскій славянскій комитетъ сталъ на исключительно православную точку) и смотрѣли на славянскія дѣла съ религіозной и даже вѣроисповѣдной стороны, — и потому не могли управиться даже теоретически съ самымъ близкимъ Россіи изъ всѣхъ славянскихъ вопросовъ, — польскимъ. Позднѣйшіе славянофилы, или лучше „славянскіе благотворители", утерявши лирически — туманное благодушіе старыхъ славянофиловъ, не выработали никакой ясной всеславянской программы, а еще болѣе съузили идеи старыхъ славянофиловъ въ теорію бюрократически — военнаго „обрусенія", славянскихъ и неславянскихъ племенъ въ Россіи и за границей ея, — теорію, граничащую съ одной стороны просто съ всепоглощающимъ диктаторскимъ централизмомъ, а съ другой съ нивелирующимъ болѣе мягкими способами, но все же идущимъ къ той же цѣли, національнымъ либерализмомъ на манеръ прусско-германскаго. Теперешнее движеніе по поводу сербской войны, конечно, не останется безъ вліянія на выработку славянской партіи въ Россіи, но пока оно слишкомъ еще разношерстое, а главное, за

внѣшнимъ воинственнымъ стремленіемъ бить турокъ, рѣдко у кого видна внутренняя идея и совсѣмъ не видно никакой мысли, о томъ, чтожъ дѣлать въ мирное время уже не съ одними сербами и болгарами, а всѣмъ славянамъ, въ томъ числѣ и самимъ русскимъ, самимъ у себя и другъ съ другомъ, не видать, по крайней мѣрѣ не высказывается и сознаніе, что »миролюбіе« русскаго правительства, къ Абдуламъ и Мурадамъ находится въ тѣсной связи съ новымъ „священнымъ союзомъ«, и системой реакціи внутри Россіи. Да и новоиспеченные друзья славянъ въ нашей печати попрежнему мало знаютъ о славянахъ (впрочемъ теперь собственно дѣло идетъ только о сербахъ и болгарахъ), статьи ихъ и корреспонденціи исполнены промаховъ, а разсужденія, за неимѣніемъ прочной идейной подкладки и внутренней программы, весьма легко впадаютъ въ антизападническую, православно-реакціонную фразеологію московскихъ славянофиловъ и погодинцевъ, — и признаковъ новой славянофильской, народно-прогрессивной партіи все таки почти не видно въ русской печати.

Любопытно, что на югѣ Россіи еще до герцеговинскаго возстанія существовала украйнофильская газета, которая давала статьи о всѣхъ славянскихъ земляхъ и статьи оригинальныя, а не компиляціи изъ нѣмецкихъ и англійскихъ, каковы теперешнія статьи о сербахъ и болгарахъ въ столичныхъ газетахъ, — и притомъ съ вполнѣ выдержаннымъ просвѣтительно — народнымъ направленіемъ. Намъ случилось услышать тогда жалобу одного лица на то, что слишкомъ уже много говорится въ этой газатѣ о славянствѣ. »Подождите нѣсколько, отвѣтили мы, весь свѣтъ скоро заговоритъ о слсвянствѣ.« На югѣ были и тогда люди, которые съ довѣріемъ смотрѣли на сербовъ, ожидая отъ нихъ, кромѣ славянской, еще общеевропейской услуги, въ родѣ той, какую оказали въ свое время греки, а именно

удара новому священному союзу и сѣти бисмарк
макмагоно-д'израильской реакцій, — и не ошиблись. П
первой вѣсти о герцеговинскомъ возстаніи, не дож
даясь пока двинется въ поле князь Миланъ, ѣхали у
волонтеры и посылались деньги въ Герцеговину и
Малороссіи и Новороссіи . . . . Правда, количест
этихъ волонтеровъ и денегъ было ничтожно сравн
тельно съ тѣмъ, какое шлется теперь, — когда
исправники покровителствьуютъ сербской омладинѣ. Н
надѣемся, не исправники положатъ начало новой парті
славянофиловъ въ Россіи!

Настоящаго, просвѣтительно-гуманнаго и федерал
но-народнаго славянофильства въ Россіи были и ес
только ростки. Къ числу такихъ надо отнести со сторон
великоруссовъ Бакунина и Герцена, независимо от
гегеліанской мистики въ ихъ идеяхъ, и ихъ ошибок
— и со стороны малоруссовъ кіевскій Кирилло-мео
діевскій кружокъ Шевченка и Костомарова, — какъ и
вѣстно кончившійся ссылкой ихъ, между прочимъ К
стомарова „за составленіе тайнаго общества, въ котором
обсуждаемо было соединеніе всѣхъ славянъ въ од
государство", — въ которомъ надо бы прибавить, Ше
ченко желалъ, чтобъ

„Усі славяне стали
добрими братами
і синами сонця правди
і еретиками
оттакими, як Констанцьский
Еретик великий."

Одинъ изъ лучшихъ московско-петербургскихъ сл
вянофиловъ, Гильфердингъ, понималъ значеніе малору
скаго славянофильства Шевченка и друзей его.

Любопытный можетъ найти эту слишкомъ, бы
можетъ, обидную для великоруссовъ, которыхъ Ги

фердингъ обвиняетъ „въ ледяной холодности" къ славянамъ, оцѣнку малорусскаго славянофильства въ статьѣ Гильфердинга о Кириллѣ и Меѳодіи. Со временъ разгрома Костомаровско-Шевченковскаго кружка малорусское славянофильство было парализовано немалорусскимъ происхожденіемъ, а часто полнымъ научнымъ и нравственнымъ ничтожествомъ представителей славяно-русской науки въ южныхъ университетахъ. Не разъ было оно подвергаемо искушенію нетерпимостью къ малорусскому движенію близорукихъ централистовъ, присвоившихъ себѣ въ Россіи имя славянофиловъ, и недогадливостью западнославянскихъ національныхъ партій, которыя уважали въ Россіи только матеріальную правительственную силу и не обращали вниманія или даже враждебно смотрѣли на все неоффиціальное, общественное и народное, будь то т. н. „западничество" или украйнофильство (см. напр. малосочувственное отношеніе къ послѣднему научнаго Словника Ригера въ статьѣ Rusko), хотя они не разъ за это платились и еще поплатятся разочарованіями. Но славянскія симпатіи, чистыя отъ всякаго шовинизма и обскурантизма, пережили у малоруссовъ всѣ эти испытанія и не разъ доказаны были фактически, хотя о нихъ и не трубили газеты, какъ о каждой копейкѣ, употребленной московскимъ славянскимъ комитетомъ и его — замѣчательно! — мертворожденнымъ кіевскимъ отросткомъ.

Позднѣйшіе разношерстые кружки, неправильно принимаемые за русскихъ панславистовъ, не въ состояніи возвыситься даже до той широты идей, какая была у Гильфердинга, и кромѣ того не обладаютъ сколько нибудь ясными знаніями даже о такихъ близкихъ земляхъ, какъ Австрійская Русь. А между тѣмъ эта страна со времени открытія желѣзныхъ дорогъ сюда изъ нашей Малороссіи, стала самымъ главнымъ мостомъ, и до улаженья польскаго вопроса, на скорость чего и надежды

не предвидится, — едва ли не единственнымъ мостомъ для органическаго панславизма, если только онъ образуется въ Россіи [1]) —

Наши централистическіе панслависты и панруссисты, обсуждая напр. литературный малорусскій вопросъ въ Галичинѣ, забываютъ, что теперешняя, австрійская Русь никогда не входила въ область непосредственнаго вліянія великорусскаго нарѣчія, [2]) и что поэтому, когда для Галичины настамъ часъ своего рода Крыловско-пушкинской реформы, стремленія освободиться отъ церковнославянскаго языка и приблизиться къ народному, то это движеніе должно было непремѣнно совершиться въ направленіи къ малорусскому нарѣчію, — и что если здѣсь заявить теорію культурно-государственнаго

---

1) На скорое улаженіе польскаго вопроса нѣтъ никакой надежды, судя потому, что видимъ теперь. Польскія газеты все тянутъ старую пѣсню о „московскомъ захватѣ“ и „некультурности и варварствѣ москалей“, все ставятъ Кіевъ въ „ziemie polskie“ и обзываютъ „кнутофиломъ“ всякаго на это несогласнаго, хотя бы онъ сто разъ высказывался противъ обрусенія коренной Польши. Русскія же газеты, хотя по временамъ что то бормочутъ „о примиреніи съ поляками“, но все заѣзжаютъ въ „Привислянскій край съ русскими точками зрѣнія“ и не высказываютъ никакихъ практическихъ условій этого примиренія, не находятъ у себя ни слова, хотя бы противъ изгнанія польскаго языка изъ новаго суда въ Польшѣ, или изъ варшавскаго университета. И при этомъ всѣ наши газеты фразируютъ о славянской политикѣ Россіи, требуютъ чешскаго университета въ Прагѣ и т. п.! А когда читаешь напр. взаимныя препирательства галицко-русскихъ, польскихъ и прусскихъ газетъ, посмотришь какъ галичане радуются обрусенію Конгресувки, а прусскіе нѣмцы укоряютъ поляковъ, что они ополячиваютъ галицкихъ русиновъ, и т. п., — то невольно вспоминаешь доктора Крупова и его теорію повальнаго помѣшательства! Это помѣшательство централистическаго нивелирующаго націонализма распространяется теперь и на малыя и свѣжія народности: уже и сербы занимаются осербленіемъ болгаръ и румыновъ, живущихъ на восточной границѣ княжества и изъ за пустяковъ ослабляютъ къ себѣ симпатіи и солидарность цѣлыхъ племенъ!! Иногда подумаешь, что противъ этой болѣзни въ самомъ дѣлѣ нужна холодная вода, а не разсужденія и увѣщанія!

2) Съ этой стороны Галичина относится къ Россіи вообще и къ Украйнѣ въ частности, какъ Каталонія къ Франціи и къ Провансу, Голландія и Фламандія къ Германіи вообще и къ Нижней въ частности.

языка, то мы всецѣло отдаемъ Галичину въ руки поляковъ, а Буковину и Угорскую Русь, пожалуй, въ руки нѣмцевъ и венгровъ. Покрайней мѣрѣ польскіе централисты говорятъ въ Галичинѣ о несуществованіи малорусской народности совершенно то же самое, что говорятъ русскіе централисты, — и аргументація первыхъ ничуть не слабѣе аргументаціи послѣднихъ. Искренность рецензента „Гражданина" тѣмъ именно и дорога, что онъ не остановился передъ признаніемъ, что малорусскому литератору дорога наклонена одинаково какъ въ одну, такъ и въ другую сторону. И такъ какъ галицкая интеллигенція дѣйствительно „отлично" знаетъ польскій языкъ, не такъ какъ русскій, потому что польскій языкъ для нея не книжный, а живой, — то слѣдовательно . . . . да здравствуетъ теорія, проповѣдующая, что галичанинъ — gente rutenus, natione polonus?! . . . . . Ни до чего другого не дойдемъ, отвергнувши малорусскую народную тенденцію, — и вотъ почему, какъ мы беремся доказать сотнею фактовъ, — теорія централистическаго панславизма и панруссизма не создала въ Австро-русскихъ земляхъ ничего органическаго, ни даже внѣшне-объединяющаго эти земли съ Россіей, въ родѣ напр. библіотекъ съ русскими книгами. Наоборотъ теорія, лежащая въ основѣ нашего украйнофильства, даетъ твердыя національныя и соціальныя основы для возрожденія и поднятія тамошней русской народности и народа, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ и теоріей панмалоруссизма, т. е. объединенія всѣхъ малоруссовъ, раздѣленныхъ въ Россіи, въ Ц. Польскомъ, въ Галичинѣ, въ Буковинѣ, въ Венгріи, — украйнофильство есть проводникъ и органическаго панруссизма, поскольку наша Малороссія-Украйна органически связана съ Великороссіей, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и такого панславизма, который только и можетъ пользоваться симпатіей сознательныхъ представителей западнаго славян-

ства, панславизма федеральнаго, не исключающаго необходимаго и достойнаго посредника.

Такъ или иначе, и въ Галичинѣ и Буковинѣ выборъ литературнаго языка совершенъ уже: въ большей или меньшей чистотѣ, но онъ малорусскій, съ мѣстнымъ характеромъ. На этомъ языкѣ теперь выходитъ десять журналовъ; изданіемъ книгъ на этомъ языкѣ занимаются, кромѣ частныхъ лицъ, восемь обществъ (въ Львовѣ: Ставропигія, Матица, Просвіта, Общество имени Михаила Качковскаго, Общество имени Шевченка, — которое впрочемъ имѣетъ пока только типографію, — въ Черновцахъ: Союзъ, въ Вѣнѣ: Буковина и Січ). На этомъ языкѣ учатъ въ гимназіяхъ, въ томъ числѣ въ одной во всѣхъ классахъ, для которыхъ изданы почти одинаковымъ языкомъ учебники какъ „украйнофильской" Просвітой, такъ и будто бы „москвофильской", а на самомъ дѣлѣ только весьма неповоротливой Матицей. На этомъ языкѣ читаютъ четыре профессора въ львовскомъ университетѣ; въ настоящемъ семестрѣ г. Шараневичъ: Исторію Червоной (и Малой) Руси въ XVII и XVIII в., г. Эм. Огоновскій исторію р. литературы въ XIII—XV в., объясненіе Русской Правды, сравнительную грамматику церковно — славянскаго и малорусскаго языка; г. Ал. Огоновскій: австрійское гражданское право, австр. облигаціонное право, г. Добрянскій — австр. уголовный процессъ, — и одинъ проф., г. Калужняцкій въ университетѣ черновецкомъ (р. литературу до XVII в.); кромѣ того одинъ профессоръ читаетъ по малорусски лекціи на богословскомъ факультетѣ. По уставу львовскаго университета каждый профессоръ можетъ читать, какъ хочетъ, по польски, или по малорусски. По уставу всѣхъ австрійскихъ нѣмецкихъ университстовъ, а таковъ черновецкій, — каждый профессоръ, кромѣ своего оффиціальнаго предмета, можетъ читать, что угодно и на какомъ угодно языкѣ. Слѣдо-

вательно количество преподавателей малорусскихъ въ университетахъ львовскомъ, черновецкомъ и даже краковскомъ (гдѣ и теперь производятся, по желанію кандидатовъ, экзамены па малорусскомъ языкѣ) можетъ увеличится. Мы вовсе невысокаго мнѣнія о духѣ, направленіи и силѣ галицко-малорусской литературы и науки, — и неразъ высказывали мнѣніе, что въ настоящее время европеизированію ея въ значительной степени можетъ помочь вліяніе изъ Россіи. И какъ ни странно для Львова и Черновцевъ получать „западный духъ" изъ Петербурга и Кіева, но мы неразъ убѣждались наглядным опытомъ въ подобномъ полученіи. Но языкъ тутъ ни причемъ: все дѣло въ большей и давнѣйшей организаціи силъ, какова все таки существуетъ въ нашихъ университетскихъ городахъ. Весьма многіе писатели и ученые галицкіе пишутъ и говорятъ уже съ каѳедръ языкомъ довольно хорошимъ и живымъ. Когда младшее болѣе въ народномъ духѣ воспитанное, поколѣніе окончательно смѣнитъ старшее, собственно нѣмцевъ или поляковъ по воспитанію, а вовсе не русиновъ, тогда, конечно, дѣло развитія литературы и науки на народномъ, малорусскомъ языкѣ пойдетъ еще скорѣе. Слѣдуетъ принять въ разсчетъ и то, что разрывъ съ стариннымъ міровоззрѣніемъ уже начался и въ Галичинѣ, а пользованіе ново-европейской наукой для заграничныхъ соплеменниковъ нашихъ не стѣснено никакими внѣшними препятствіями. По всему этому будущность культуры малорусской въ Австрорусскихъ земляхъ никоимъ образомъ отрицаема быть не можетъ.

Люди отрицательно относящіеся къ такимъ явленіямъ, какъ малорусская литература, кромѣ указаннаго выше двойного невниманія къ фактамъ, совершаютъ еще и двойное смѣшеніе понятій. Говорятъ: поднятіе новыхъ (?) литературныхъ нарѣчій съуживаетъ поле дѣйствія талантливыхъ писателей, разъединяетъ силы и

интересы даже родственныхъ племенъ, — и потому регрессивно, такъ какъ наше время есть время стремленія къ болѣе широкимъ ассоціаціямъ. Послѣднее совершенно вѣрно, но именно изъ этого стремленія, а вовсе не изъ противуположнаго, и вытекаетъ стремленіе къ возрожденію и образованію негосударственныхъ литературъ. Для человѣка важна не географическая широта ассоціаціи, а глубина ея захвата, количество людей, ею обнятыхъ. Когда мы говоримъ напр. французская литература, вліяніе французскаго писателя, — мы воображаемъ себѣ сейчасъ же всю территорію Франціи, забывая, что на ней около 15 мил. совсѣмъ не говорятъ по французски. Какая же масса талантовъ и вообще нравственныхъ силъ пропадаетъ, какъ парализуется проникновеніе въ массы культуры и организація этой массы для культурныхъ цѣлей! Тутъ то и помогаетъ бѣдѣ литература кельтская, фламандская, баскская, провансальская. Полтора года назадъ рецензентъ одной газеты, вообще симпатично относившейся напр. къ малорусской литературѣ, и человѣкъ вообще болѣе образованный, чѣмъ обыкновенные наши газетные рецензенты, извѣщая о смерти платдейчскаго писателя Фрица Рейтера, выразилъ удивленіе, какъ человѣкъ съ такимъ талантомъ могъ выбрать себѣ столь узкую сферу дѣйствія, какъ провинціальное нарѣчіе. Но въ томъ то и дѣло, что только платдейчскія писанія Фрица Рейтера и талантливы, а нѣмецкія весьма ординарны, какъ ординарны русскія сочиненія Квитки и Шевченка, и въ томъ то и дѣло, что не смотря на меньшій географическій объемъ распространенія, по количеству экземпляровъ, Рейтеровы сочиненія занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нѣмецкой книготорговлѣ, даже абсолютно считая. Нѣсколько лѣтъ назадъ г. Де Губернатисъ разсказывалъ въ одномъ изъ писемъ въ „Вѣстникѣ Европы" о томъ, какъ стихотворенія одного новаго поэта на пизанскомъ нарѣчіи быстро разошлись

въ 4000 экз., между тѣмъ какъ всякая общеитальянская новая книга рѣдко печатается болѣе, чѣмъ 600 экз. Извѣстно, съ какою быстротою у насъ раскупается всякое изданіе Шевченка и какъ скоро становится предметомъ спекуляціи, поднимающей цѣну тома 10—15 рублей. Мы можемъ засвидѣтельствовать факты, что крестьяне покупаютъ „Кобзаря" за дорогую цѣну и чтуть его, какъ святыню, — факты, которымъ подобные относительно „общерусскихъ", по необходимости ненародныхъ, писателей врядъ ли можно указать.[1]) Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе народна литература, тѣмъ больше въ глубь она захватываетъ людей и тѣмъ больше увеличиваетъ соціально-культурное всемірно — историческое тѣло. Уже по этому негосударственныя литературы соединяютъ, а не разъединяютъ людей. Но кромѣ того соединеніе соединенію рознь. Въ теперешней Европѣ, конечно, люди болѣе соединены, чѣмъ въ средніе вѣка, а между тѣмъ теперь совсѣмъ упало международное употребленіе латинскаго языка. Дѣло въ томъ, что этотъ латинскій языкъ, конечно, соединялъ монаха французскаго и польскаго. но онъ разъединялъ въ каждой землѣ монаха отъ крестьянина и даже отъ мѣщанина. Поднятіе новыхъ литературныхъ нарѣчій въ Европѣ было повидимому фактомъ противукосмополитическимъ, — а между тѣмъ интересы единенія образованныхъ народовъ вовсе не пострадали: они нашли себѣ другіе органы, а живые языки стали орудіемъ болѣе сильнаго культурнаго движенія. Теперь мы присутствуемъ при продолженіи подобнаго же процесса въ каждомъ большомъ политиче-

---

[1]) Извѣстны споры о томъ. народный ли поэтъ Пушкинъ, которые рѣшались въ такомъ родѣ, — что Пушкина будетъ понимать русскій народъ, когда станетъ образованнымъ, какъ его высшіе представители. Относительно Шевченка такихъ споровъ быть не можетъ: онъ и теперь во всѣхъ своихъ пьесахъ затрогиваетъ душу и „простонародья" и людей высшаго образованія, — а между тѣмъ, какъ артистъ, онъ конечно, ниже Пушкина.

скомъ союзѣ племенъ и ихъ разновидностей и, конечно, космополитическіе интересы опять не пострадаютъ, а выиграютъ. Г. Мордовцевъ въ своей бойко написанной, но лишенной всякаго идейнаго центра, апологіи центровъ и центральныхъ языковъ, соблазняетъ насъ наступленіемъ близкой эры всемірнаго языка, начало коего онъ усматриваетъ въ солдатскихъ фразахъ въ родѣ: „мусью, мой кочетъ буль-буль". Но мы вправѣ подождать, пока на этомъ языкѣ появятся свои Шекспиры, Данты, Дарвины, Конты, или хотя бы Августины Блаженные и Ѳомы Аквинаты съ одной стороны, и Борисы, Кольцовы, Шевченки съ другой... А пока отмѣтимъ одно обстоятельство весьма характерное, — а именно, что одна лѣвобережная Украйна, т. е. почти что одна полтавская губернія съ прилегающею частью черниговской въ короткое время дала »общерусской« поэзіи слѣдующихъ даровитыхъ людей: Херасковъ, Богдановичъ, Капнистъ, Гнѣдичъ, Нарѣжный, Гоголь, — а именно послѣ Гоголя, когда литература стала реальною, національною и народною, — Украйна или не родитъ поэтовъ и беллетристовъ, или даетъ такихъ, которые пишутъ по малорусски. Надъ этимъ стоитъ призадуматься именно общерусамъ и общечеловѣкамъ.

Обращаясь теперь въ частности къ занимающему насъ вопросу, — мы видимъ, что общее значеніе для русскихъ племенъ русскаго литературнаго языка безспорно. По всей вѣроятности значеніе его не исчезнетъ и тогда, когда онъ, въ силу естественнаго процесса сближенія съ народностью, еще больше приметъ мѣстный, великорусскій характеръ[1]). Есть много шансовъ для принятія этого языка посредствующимъ и въ заграничномъ

---

[1]) Одинъ, кажется, весьма компетентный судья, Добролюбовъ говоритъ объ отношеніяхъ не только малорусскаго, но и великорусскаго народа къ нашему книжному языку: „Настоящіе малороссы, свободные отъ вліянія русскаго языка, такъ же чужды языку

славянствѣ, въ какомъ случаѣ положеніе малоруссовъ окажется всѣхъ болѣе выгодное, какъ ближайшихъ родичей къ великоруссамъ. Но все это нисколько не исключаетъ значенія ни другихъ славянскихъ нарѣчій, ни даже малорусскаго. Бороться противъ интересовъ единенія людей въ пространствѣ нелѣпо; но одинаково нелѣпо бороться и противъ единенія людей въ глубь общества. И въ томъ и въ другомъ случаѣ слѣдуетъ вспомнить пословицу: „гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно!!" —

Вѣна, 9. Мая.

М. Драгомановъ.

книжной литературы, какъ и наши простолюдины. Вѣдь и у насъ (въ Великороссіи) языкъ книжной литературы собственно не русскій, и черезъ сто лѣтъ надъ нами, конечно, будутъ также смѣяться, какъ мы теперь смѣемся надъ языкомъ ассамблей петровскаго времени." — А смѣемся мы именно вслѣдствіе того, что подвинулись по дорогѣ къ народному — великорусскому языку.

Приложеніе.

Гильфердингъ о малоруссахъ въ Славянствѣ и сербо-хорваты о малорусской поэзіи.

Считаемъ нелишнимъ перепечатать слова Гильфердинга и отзывы сербо-хорватовъ, — которые сами за себя и отвѣчаютъ. Какую долю изъ мнѣній этихъ раздѣляемъ мы сами, — это ясно послѣ всего сказаннаго. — Мы прибавимъ только, что въ пользу малорусскаго панславизма будутъ работать природныя условія, сильнѣйшія изъ всѣхъ: уже и теперь Кіево-волочиская дорога работаетъ въ этомъ направленіи сильнѣе многихъ книгъ. А когда кончится дорога Стрыйско-Мункачевская изъ Галичины въ Венгрію и вообще сѣть венгро-сербскихъ дорогъ, да прорѣжется кіевская и подольская губернія еще одною дорогою на Буковину, — тогда малороссы будутъ ѣздить въ Италію и даже въ Швейцарію и Францію черезъ славянскія земли, — а ужъ во всякомъ случаѣ даже въ Вѣну черезъ малорусскія земли. Племенное же сродство, о которомъ говорятъ сербы, додѣлаетъ остальное, — и всемалорусское народное направленіе подастъ руку словакамъ и сербамъ въ Венгріи, — а дальше и за Дунай!

I.

«Древняя Русь, [1]) древняя церковь Русская вовсе не были такъ безучастны къ памяти славянскихъ просвѣтителей; это видно изъ древней письменности нашей, изъ того, что русскими писцами сохранена большая часть

[1]) т. е. собственно древняя Малороссія. Объ этомъ между прочимъ см. Пыпина въ Іюньской кн. Вѣстн. Евр. 1876. М. Д.

агоцѣннѣйшихъ памятниковъ о Кириллѣ и Меѳодіи. имаиніе къ нимъ охладѣвало на Руси въ московскій ріодъ, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны возстающее сознаніе ея особности, народной и государвенной, все болѣе и болѣе заслоняло собою память ъ общемъ славянскомъ источникѣ, а съ другой, въ ркви Русской элементъ греческій, византійскій, бралъ ревѣсъ надъ древнимъ славянскимъ, болгарскимъ элентомъ. А въ петербургскій періодъ могло ли таться на Руси мѣсто идеѣ славянства, и потому самy, Кириллъ и Меѳодій не должны ли были потерять я насъ всякое значеніе? Въ настоящее время, какъ сказалъ, имя ихъ важно особенно для тѣхъ народовъ авянскихъ, въ которыхъ историческая нужда вызыетъ сознаніе славянства, славянскаго братства. Тамъ, ѣ народность крѣпка сама по себѣ, гдѣ для нея доаточно ея собственнаго самосознанія и нѣтъ такой стоятельной потребности искать ей опоры въ общей еѣ славянства, участіе къ памяти Кирилла и Меѳодія раздо слабѣе, напримѣръ у Сербовъ или у Поляковъ. мы? Нужды прямой, осязательной нужды намъ нѣтъ кать опоры въ идеѣ славянства, въ славянскомъ щеніи; мы сильны сами по себѣ, *мы* нужны другимъ авянамъ, а намъ они развѣ видимо нужны? Внѣшго повода къ пробужденію въ Россіи идеи славянства было и нѣтъ, а внутреннимъ путемъ органическаго звитія она можетъ явиться только какъ плодъ и вѣцъ самосознанія собственной народности, въ чемъ мы, жется, еще не далеко ушли! Вотъ какимъ образомъ объясняю себѣ то огромное разстояніе, которое сустьвуетъ между нашимъ обществомъ и другими Славнами въ степени развитія славянской идеи, чувствъ авянской общности. Иные заграничные Славяне, позакомившись съ Россіею, приходять просто въ отчая: отъ нашего равнодушія къ идеѣ славянства, отъ

совершеннаго отсутствія въ общественной (не говоря о домашней) жизни нашей того сознанія, что Русскій человѣкъ сверхъ того Славянинъ. Но факту этому нечего удивляться; я, по крайней мѣрѣ, ни мало не прихожу въ отчаяніе на счетъ будущности славянской идеи въ нашемъ отечествѣ. Теперь ей еще нѣтъ мѣста въ нашемъ *Общественномъ* сознаніи[1]) но, по моему мнѣнію, она будетъ плодотворнѣе тамъ, гдѣ можетъ вырости только изъ внутреннихъ, органическихъ началъ народной жизни, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ вызвана внѣшнею потребностью самосохраненія: въ странахъ этихъ и идея славянская по существу своему остается только внѣшнею.

Это не освобождаетъ каждаго изъ насъ лично отъ обязанности содѣйствовать, по мѣрѣ силъ своихъ, развитію между нами славянской идеи: ибо безъ нея наше собственное народное самосознаніе не можетъ быть полно; а потому самому никто изъ насъ, не безучастный къ народному и славянскому самосознанію нашему, не можетъ быть равнодушенъ къ памяти тѣхъ людей, которые въ древности служатъ символомъ духовнаго единства Славянъ. Въ средѣ Русскаго народа особенное призваніе должны имѣть въ этомъ дѣлѣ Малоруссы. Отъ нихъ я ожидаю, въ настоящее время, большаго сочувствія къ памяти Кирилла и Меѳодія, чѣмъ отъ общества Великорусскаго, и вообще считаю ихъ призванными къ особенному участію въ развитіи между нами славянской идеи. Кіевъ ближе къ другимъ Славянамъ чѣмъ Москва, и точно также племя Малороссійское: оно ближе къ нимъ своимъ языкомъ, который, не имѣя такого рѣзко-опредѣленнаго типа, какъ нашъ Великорусскій языкъ, стоитъ какъ бы на серединѣ между имъ и нарѣчіями западныхъ Славянъ, и въ западныхъ

---

1) Писано въ 1862 году.

хъ Малорусскаго племени сливается съ рѣчью Вен-
зихъ Словаковъ; оно ближе къ другимъ Славянамъ
› отношеніи историческомъ и общественномъ. Часть
ірусскаго племени, въ Галиціи и сѣверной Венгріи,
гъ на себѣ то же самое иго иноземнаго влады-
ва, подъ которымъ бьются Славяне западные и
ые: что мы, въ положеніи другихъ Славянъ, пони-
ъ только отвлеченно, то эта часть Русскаго
да чувствуетъ и знаетъ по опыту. Мы были
ца самостоятельны, государство было наше, и стра-
і наши были всегда по нашей собственной винѣ;
ιорусское племя своего государства не имѣло,
воевавъ себѣ на минуту самостоятельность, тотчасъ
ітъ нея отказалось, въ пользу общерусскаго един-
; его страданія имѣли источникомъ не только его
твенныя вины, но и вины чужія: вотъ другая при-
, почему положеніе другихъ Славянъ можетъ быть
гораздо понятнѣе и ближе къ сердцу. Наконецъ и
въ чемъ Малорусское племя отдалилось отъ корен-
ь началъ славянскихъ, уступивъ западнымъ обще-
ннымъ началамъ (большее развитіе въ народѣ на-
личности, отсуствіе поземельной общины, большая
ность городской жизни и т. п.), служитъ какъ бы
ходомъ отъ своеобразнаго славянскаго быта племени
корусскаго къ западно-европейскому быту Славянъ
дныхъ. А ко всему этому прибавимъ, что вѣковая
ба съ Поляками, — для насъ имѣющая преимуще-
нно значеніе государственнаго вопроса и предста-
ощаяся намъ, болѣе или менѣе, какъ нѣчто безличное
твлеченное, а у Малоруссовъ затрогивающая всѣ
ны народной жизни, какъ домашняя, личная тяжба,
эта повседневная борьба Малоруссовъ непремѣнно
кна вызывать въ нихъ, какъ примирительницу, идею
зянскую. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, Ма-
руссы могутъ первые выработать въ своей средѣ

и внести въ общественное сознаніе Русской земли идею славянства; они стоятъ какъ бы связующимъ звеномъ нашимъ съ остальнымъ Славянскимъ міромъ. Безспорно, славянская идея можетъ найти полное свое опредѣленіе и развитіе только тамъ, гдѣ въ наибольшей полнотѣ хранятся жизнію народною общественныя стихіи славянскаго организма и гдѣ поколѣніе Славянское проявило себя не только пассивнымъ самосохраненіемъ, но и дѣятельнымъ строеніемъ общественнымъ и государственнымъ, и открыло себѣ поприще всемірно-историческое, — въ средѣ племени Великорусскаго. Но какъ идея славянская зародилась впервые на Западѣ, у тѣхъ Славянъ, которые почти утратили внутреннія общественныя стихіи славянскія, зародилась тамъ, какъ внѣшній признакъ, какъ средство самосохраненія погибавшаго народа, — такъ, переходя въ Россію, не должна ли она и здѣсь сдѣлаться общественнымъ достояніемъ впервые среди того племени, которое, хотя уступило исторіи часть своихъ древнихъ органическихъ началъ славянскихъ (напримѣръ, ослабленіемъ элемента общиннаго), но за то имѣетъ болѣе, чѣмъ другія вѣтви Русскаго народа, внѣшнихъ побужденій къ сознанію своего славянства. Такимъ образомъ идея славянства, постепенно расширяясь, пока не захватитъ въ свой кругъ всѣ народы Славянскіе, съ тѣмъ вмѣстѣ переходила бы отъ внѣшняго значенія къ внутреннему, изъ порожденія матеріальныхъ условій и требованій становилась бы мало-по-малу свободнымъ плодомъ сознанія народныхъ началъ. Эту мысль я выдаю не болѣе какъ за предположеніе, за гаданіе; однако, можетъ быть, недаромъ Шевченко, поэзія котораго имѣла единственно мотивы народные, нашелъ въ ней, кромѣ струны народной малороссійской и струны религіозной,[1]) еще третью струну, — сла-

1) весьма своеобразной; см. напр. „Марія“ во II т. Кобзаря. — М. Д.

вянскую (поэма Гуссъ и великолѣпное посланіе къ Шафарику, — и то и другое написанныя еще въ сороковыхъ годахъ). Но во всякомъ случаѣ если Малорусская земля и кажется намъ въ настоящее время ближе къ живому, внѣшнему сознанію славянства, славянскаго единства и братства, то несомнѣнно также, что пока сознаніе это не усвоится землею Великорусскою, пока не сдѣлается тутъ общественнымъ достояніемъ, общественнымъ двигателемъ всей Россіи, — и самая идея славянская не достигнетъ полнаго осуществленія, и наше собственное народное самосознаніе останется недовершеннымъ. Потому-то, я полагаю, долгъ каждаго изъ насъ, если мы хотимъ у насъ народнаго самосознанія, способствовать по возможности укорененію и развитію въ Россіи славянской идеи.«

II.

Въ 1868 г. въ сербскомъ журналѣ „Вила", выходившемъ подъ редакціей извѣстнаго г. Стояна Новаковича, были помѣщены переводы: Федьковича — „Опришокъ" (изъ Правды 1867 г., Нр. 1) „Безталанне закоханнье" (тамъ же, Нр. 4), Шевченка — „Заповітъ" и „Неофиты", „Хустина", Марка Вовчка — „Максимъ Гримачъ" и „Чумакъ". Въ 1869 г. въ хорватскомъ журналѣ „Vienac", издаваемомъ Илирской Матицей, были переведены Марка Вовчка „Два сини" и „Чари". Помѣщая въ своемъ журналѣ переводъ изъ Шевченка, г. Стоянъ Новаковичъ сдѣлалъ примѣчаніе, въ которомъ написалъ между прочимъ слѣдующее: „Главную красу Шевченковой поэзіи придаетъ его тенденціозность, его глубокая любовь къ своему народу, и это, можно сказать, одинъ изъ первыхъ въ свѣтѣ поэтовъ, который такимъ способомъ заигралъ на этихъ струнахъ". (Вила, 1868, Нр. 12). Печатая переводы изъ Марка Вовчка, хорват-

скій »Vienac« дѣлаетъ такую характеристику этому малорусскому белетристу: «М. Вовчокъ просто рисуетъ народную жизнь съ ея горемъ и любитъ народъ своей любовью горячаго современнаго демократизма. Разсказы его полны прелести, которую вливаетъ въ его перо сильная любовь его къ народу. Лучшею стороною въ разсказахъ Вовчка служитъ то, что авторъ поднимается на высоту соціальнаго критика общественныхъ отношеній. Но это — тенденціозность! крикнетъ какой нибудь изъ критиковъ и поэтовъ нашихъ, которые распускаютъ свои крылья подъ облака и не видятъ того болота, въ которомъ погрязаетъ теперешняя жизнь общественная, на которое не можетъ смотрѣть равнодушно дѣйствительно поэтическое сердце. Пусть себѣ кричатъ! а мы постараемся, чтобъ наши потомки не укоряли насъ въ томъ, что мы меньше обращали вниманія на жизнь, чѣмъ на сухія доктрины». (1869, Нр. 8). Давая своимъ читателямъ переводъ разсказа «Чари», хорватская газета (1869, Нр. 13) высказала между прочимъ еще одну причину симпатичности для сербохорватовъ малорусской литературы: «Нѣтъ тутъ ни одной черты, которую мы не могли-бъ назвать и своею, потому что, кромѣ общности славянской, насъ, сербовъ и хорватовъ, привязываетъ къ себѣ и родина этихъ разсказовъ, — потому что теперешняя родина ихъ была когда-то и нашею». (Прикарпатская Русь — старая Хробатія).

Ту же мысль еще полнѣе развилъ г. Ст. Новаковичъ въ письмѣ въ редакцію «Правды» въ 1868 г. (Нр. 3). «Мы, сербы, прирожденные друзья малороссовъ. Когда мы читаемъ и переводимъ повѣсти изъ малорусскаго быта, намъ кажется, что это повѣсти изъ нашего родного сельскаго и народнаго бита; въ каждой подробности вашей народной и сельской жизни мы видимъ какъ разъ подобную подробность нашей собственной жизни, и потому мы такъ рады познакомиться со всѣмъ.

что зовется малорусскимъ. Поэтому не удивляйтесь, что вамъ раздается изъ этой страны славянскаго міра мое сердечное: помози Богъ!» и т. д.

А вотъ въ какихъ словахъ хорватскій журналъ опредѣляетъ значеніе украинскаго элемента въ литературѣ и за предѣлами Украйны: «Если есть что оригинальнаго славянскаго въ литературахъ, выше котораго въ своемъ родѣ нѣтъ въ другой литературѣ, — что бы такъ самостоятельно развилось подъ вліяніемъ славянскаго солнца, — такъ это украинская народная повѣсть. Зародыши ея появлялись въ польской литературѣ, а теперь она особенно проявляется въ молодой малорусской литературѣ. Въ русскую литературу внесли ее малорусскіе писатели; подобное же дѣлалось и въ польской, только надо сказать, что тутъ дѣйствовали тѣ поляки, которые..... вышли изъ шляхетскихъ польскихъ или ополяченеыхъ домовъ, какихъ много находится по украинскимъ селамъ. Въ русской литературѣ пріобрѣлъ себѣ славу въ томъ родѣ сочиненій извѣстный всѣмъ Н. В. Гоголь. Въ молодой малорусской литературѣ первое мѣсто занимаетъ въ этомъ родѣ Марко Вовчокъ. Знаменитый И. С. Тургеневъ взялся за переводъ очерковъ Вовчка съ малорусскаго языка на русскій». (1867, Пр. 8).

Такіе и подобные отзывы всего лучше показываютъ, что тѣ въ нашемъ обществѣ, которые вообразили-бы себя славянофилами и въ тоже время отрицательно и враждебно относились бы къ малорусской литературѣ едва-ли могутъ разсчитывать на симпатію среди сербохорватовъ. Прибавимъ, что и болгаре, которыхъ можно сказать открылъ малоруссъ Венелинъ, изъ русской литературы выбрали себѣ для перевода прежде всего Тараса Бульбу Гоголя, — да кромѣ того перевели нѣсколько пьесъ Шевченка. —

P. S. Брошюра эта уже печаталась, когда мы получили извѣстіе о новыхъ прибавленіяхъ къ распоряженію, запрещающему малорусскую литературу въ Россіи: эти мѣры направлены уже не только противъ литературы на малорусскомъ языкѣ, но и противъ науки о Малороссіи даже на русскомъ языкѣ. Одно изъ этихъ распоряженій, воспрещаетъ жить въ области малорусской народности въ предѣлахъ Россіи и въ столицахъ двумъ лицамъ, провинившимся въ занятіяхъ малорусской этнографіей, изъ которыхъ одно уже рѣшительно въ томъ только можетъ быть обвиняемо, что собрало по порученію Петербургскаго совѣта Императ. Русскаго Географическаго общества семь томовъ этнографическихъ и статистическихъ матерьяловъ, въ югозападномъ краѣ, изъ которыхъ I, III, V, VI и VII напечатаны въ Петербургѣ на счетъ правительства, и которыя награждены совѣтомъ И. Р. Г. Общ. золотой медалью, посылались этимъ обществомъ на международную географическую выставку въ Парижъ, гдѣ тоже были награждены медалью. [1])

Такимъ образомъ даже собираніе этнографическихъ матеріаловъ о Малороссіи по порученію оффиціально-ученаго общества признано преступленіемъ и наказывается заднимъ числомъ. Гораздо важнѣе и еще болѣе странно другое распоряженіе, которымъ закрывается Югозападный отдѣлъ И. Русскаго Г. общества. Отдѣлъ этотъ открытъ былъ въ 1873 г. и долженъ былъ, по уставу, изучать губерніи кіевскаго учебнаго округа преимущественно въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, — (понятно, вѣдь к. у. округъ не около Тяньшаньскаго хребта и въ чисто-географическомъ изу-

[1]) Другое лицо — авторъ настоящей брошюры, который и безъ того, вскорѣ послѣ удаленія отъ службы въ университетѣ, выѣхалъ и изъ Кіева и изъ Россіи и успѣлъ издать въ Кіевѣ съ тѣхъ поръ только двѣ книги о Малороссіи, обѣ съ разрѣшенія цензуры.

ченіи нуждается мало). Отдѣлъ и исполнялъ свое дѣл издалъ за три года два тома Записокъ, печаталъ трет томъ, къ которому приложеніе успѣлъ уже выдать р ньше закрытія (что будетъ съ третьимъ томомъ, в которомъ печатались рефераты, читанные въ прошлом году, мы не знаемъ); кромѣ того издалъ большой том таблицъ однодневной переписи въ Кіевѣ, произведенной им по порученію правительства, — наконецъ началъ печатат сочиненія по исторіи, древностямъ и этнографіи Малороссі М. А. Максимовича, лица, хотя и писавшаго „о самобыт ности малор. нарѣчія", переводившаго по украински Слов о Полку Игореви и совѣтовавшаго галичанамъ сдѣлат своимъ литературнымъ языкомъ языкъ украинскихъ пѣсен и думъ, — но, кажется, весьма благонамѣреннаго. Дв изъ работъ, напечатанныхъ въ Запискахъ Югозападнаг Отдѣла въ I томѣ были награждены совѣтомъ обществ серебрянными медалями (одна по метеорологіи, другая именно по малорусской этнографія, — пѣсни кобзаря Вересая). Труды отдѣла постоянно вызывали одобреніе въ русской столичной и въ иностранной литературѣ (лонд. Athaeneum, Revue des deux Mondes); за сѣданія отдѣла были гласны, подробные протоколы ихъ печатались, члены — люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній, каждый могъ читать какую угодно работу, которая и печаталась, если имѣла какое нибудь ученое достоинство. И вдругъ — отдѣлъ закрывается!! Ни слѣдствія, ни обвиненія! Мѣсто ихъ заняли сплетни и намеки въ „Кіевлянинѣ" о томъ, что отдѣлъ „прикрываетъ флагомъ науки совсѣмъ ненаучный грузъ." И русская печать и ученые молчатъ.

Любопытнѣе всего то, что всѣ эти нелѣпости, которыя теперь принимаются, какъ правительственныя мѣры, еще за полтора года на всѣхъ сборищахъ, куда его пускаютъ, выкрикивались М. Вл. Юзефовичемъ, — котораго предначертанія теперь объявляются какъ „вы-

сочайшія повелѣнія". Нѣкоторыя иностранныя газеты видятъ въ нихъ крайнія проявленія великорусскаго централизма и нивеллирующей политики русскаго правительства, — и конечно по духу своему мѣры эти имѣютъ этотъ характеръ. Но источникъ и основа этихъ мѣръ указываетъ еще на нѣчто другое, — а именно, что въ государственномъ устройствѣ россійской имперіи совершилось нѣкоторое измѣненіе, а именно появился новый органъ законодательной власти, — голова М. Вл. Юзефовича, который, уже какъ предатель Костомарова достаточно запятнанная личность, чтобъ диктовать мѣропріятія государственнаго значенія, ограничивать права лицъ и т. п.

Неужели же эта совокупность мѣръ, которыя по праву могутъ быть названы leges Jusephoviciae, и это возведеніе кіевскаго сплетника въ государственное учрежденіе не оскорбительно прежде всего для достоинства великорусской народности, русскаго общества и самого правительства, если оно еще существуетъ въ Россіи, какъ что нибудь органическое и обладающее сознаніемъ?

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	строка	напечатано —	читай.
VII.	8 снизу	1873—1872	1863—1872
1	10	Ч. —	Z.
6	1	козацкого —	козацкую
7	3	не —	ни
14	9	6 —	9
15	13	имѣющему —	имѣть
16	5	и —	или
17	19	Ч. —	Z.
22	6 снизу	30-е-40-е —	40-е-50-е
44	14 —	было —	было бы
47	9 —	; являясь —	. Являясь же

